

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основную часть сборника составляют статьи аспирантов и молодых исследователей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Публикуемые материалы прошли апробацию на методологическом семинаре, организованном Советом молодых ученых, и на научных конференциях.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основную часть сборника составляют статьи аспирантов и молодых исследователей Института, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Публикуемые материалы прошли апробацию на методологическом семинаре, организованном Советом молодых ученых и на научных конференциях.

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

Петрозаводск
2011

УДК 009.001.891
ББК 6/8в7
М54

Рецензенты:
д. и. н. С. И. Кочуркина
к. и. н. О. В. Захарова

Секретарь издания А. М. Петров

М54 **Методы и принципы современных гуманитарных исследований:**
Сборник научных работ аспирантов и молодых ученых / Науч.
ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр
РАН, 2011. 105 с.

ISBN 978-5-9274-0503-9

Основную часть сборника составляют статьи аспирантов и молодых исследователей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Публикуемые материалы прошли апробацию на методологическом семинаре, организованном Советом молодых ученых, и в ходе научных конференций.

УДК 009.001.891
ББК 6/8в7

*Издание осуществлено на средства программы Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»*

ISBN 978-5-9274-0503-9

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2011
© Карельский научный центр РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. Петров.</i> Методология современной лингвофольклористики и некоторые проблемы изучения фольклорного текста	4
<i>Н. Д. Москин, А. М. Петров.</i> Использование нечетких теоретико-графовых моделей для анализа синтаксической структуры музыкально-стихотворного фольклора (на материале эпических духовных стихов)	13
<i>И. П. Новак.</i> Приемы и методы морфонологического исследования (на примере альтернативной системы карельского языка)	24
<i>А. П. Родионова.</i> Семантико-грамматический подход в исследовании языковой картины мира	32
<i>Н. А. Пеллинен.</i> Применение метода тематического описания лексики при анализе метафорических замен термина «ребенок» в карельской колыбельной песне	41
<i>А. С. Ляшок.</i> Детство как предмет исследований культурной антропологии	48
<i>Ю. В. Литвин.</i> Философско-методологические проблемы гендерных исследований	58
<i>Е. В. Марковская.</i> Взаимоотношения собирателя и исполнителя при проведении интервью: «свое» и «чужое»	70
<i>В. Б. Бовин.</i> Методика сбора звукового фольклорно-этнографического материала в условиях экспедиции	75
<i>Т. А. Хорошун.</i> Изучение керамики на поселениях среднего неолита – раннего энеолита Карелии (по материалам поселения Вигайнаволок I)	81
<i>И. М. Поташева.</i> Керамика средневековых городищ северо-западного Приладожья	92

А. М. Петров

Методология современной лингвофольклористики и некоторые проблемы изучения фольклорного текста

Лингвофольклористика среди гуманитарных дисциплин занимает особое место. Ее положение можно охарактеризовать как промежуточное: с одной стороны, объектом изучения является фольклорный текст, с другой – в фокусе исследования находятся *языковые* факты и процессы; преимущественно лингвистический характер носит и методологический инструментарий лингвофольклористики. Черпая из традиционных научных методик разных дисциплин, лингвофольклористика обладает возможностью очень гибкого подхода к исследованию своего объекта и в целом достаточно большим «эвристическим потенциалом» [Бобунова, Климас, Праведников, Хроленко 2005].

В сфере внимания лингвофольклористики находятся практически все жанры классического фольклора: от былинного эпоса и сказки до поговорок и анекдота. Разнообразие жанровых форм требует разносторонней методики их изучения. При этом лингвофольклористам необходимо постоянно иметь в виду специфику своего объекта: фольклорный текст занимает очень самобытную позицию в типологии художественных и разговорно-бытовых текстов [Бобунова, Климас, Праведников, Хроленко 2005].

С одной стороны, на современном уровне развития фольклористики необходимость строгого отграничения текста фольклорного от литературного, равно как и необходимость изучения фольклора с опорой на его этнографический контекст, стала аксиоматичной [Пропп 1976: 16–33]; с другой стороны, как пишет И. Ф. Амроян, «нельзя адекватно записать произведение фольклора (если иметь в виду полноту коммуникативных, экстралингвистических составляющих акта его произнесения). Записать можно лишь текст, поскольку именно он является носителем информации, средством ее накопления» [Амроян 2005: 31]. В свою очередь, «запись “чистого” текста приводит к тому, что и здесь, как в литературных текстах, осуществляется установка на отсечение всех внетекстовых связей, которые, по

мнению собирателей (или издателей), не являются критически необходимыми для понимания» [Амроян 2005: 31]. В настоящее время, утверждая, что «живая жизнь фольклорного текста образует иную реальность со своей расстановкой смысловых и ценностных акцентов» [Никитина 2006: 68], исследователи, тем не менее, оговаривают, что здесь важен учет *жанрового* фактора: «не все жанры, виды, тексты фольклора в одинаковой степени связаны с этнографическим контекстом» [Толстая 2005: 120]: например, «теснее всего связаны друг с другом так называемый обрядовый фольклор и обряд» [Толстая 2005: 119], и «гораздо меньшую связь с обрядовым (этнографическим) контекстом обнаруживают необрядовые жанры повествовательного фольклора» [Толстая 2005: 120]. Учет этнографического контекста особенно важен «при изучении генезиса фольклорных явлений» [Пропп 1976: 28]. Что же касается лингвофольклористики, то привлечение этнографического контекста при осуществлении исследовательских процедур обычно не практикуется.

Анализ языка фольклора сопряжен с необходимостью решать целый ряд теоретических и методологических проблем. Проиллюстрируем сказанное несколькими показательными примерами из области синтаксиса. Здесь лингвофольклористам приходится решать прежде всего проблему *выделения основной синтаксической единицы*. Некоторые исследователи таковой единицей традиционно считают *предложение*. Однако, как известно, определение предложения в русской грамматической традиции пусть и варьировалось, но всегда основывалось на текстах письменных. Но в устных формах речи (особенно в песенных жанрах фольклора) строгой границы между предложениями, отмечаемой в книжной речи точкой, нет и быть, разумеется, не может, хотя музыкально-интонационные свойства и могут служить опорой для выявления коммуникативно завершенных, относительно целостных единиц (предложений). Проблема заключается в том, что фонозаписи фольклорных произведений в большинстве случаев для исследователей недоступны. Судить же о реальной интонационно-музыкальной (и, следовательно, синтаксической) организации текста без аудиозаписи практически невозможно. На наш взгляд, специальные исследования в этой области должны помочь выработать относительно точные критерии синтаксической сегментации. В настоящее время большинство лингвофольклористов принимают за основные,

помимо предложения, такие единицы, как *сложное синтаксическое целое* и *синтаксическое единство*. Термин *предложение* обычно не используется, хотя его употребление нельзя считать невозможным или неприемлемым. Однако термины *единицы моно- и полипредикативного уровней* представляются более корректными.

Своеобразие фольклорного синтаксиса констатируется и на уровне словосочетания: так, например, Л. В. Савельева, изучившая на материале некоторых жанров субстантивные соединения типа *Ивашка белая рубашка*, отмечает «специфический характер этих конструкций, которые не являются словосочетаниями в том смысле, в котором употребляется этот термин в современных академических грамматиках русского языка и теоретических трудах по синтаксису» [Савельева 1988: 42]. Подобные паратактические структуры интерпретируются Л. В. Савельевой не как словосочетания, а как аналоги словосочетаний.

В связи со сказанным может быть поставлена и проблема *разработки единых принципов пунктуации для издания фольклорных текстов*. Существующие в настоящее время пунктуационные знаки, принципы и правила, как известно, были разработаны для обслуживания письменной формы речи, вторичной по отношению к устной, в которой функцию знаков препинания всегда выполняла интонация. Между тем в опубликованных фольклорных сборниках эти знаки выступают в несвойственной им роли: они используются для пунктуационного оформления былин, сказок, духовных стихов и т. д., хотя «книжные знаки не всегда приспособлены к передаче тонкостей устной речи, тем более — поэтической» [Медриш 1980: 192]. Как правило, расстановка знаков препинания осуществляется по современным для издателя нормам. Поэтому один и тот же текст, опубликованный в разное время, будет тождественен себе во всем, кроме одного: количества «предложений» и типологии синтаксических связей между предикативными единицами. Фактически это будет уже другой вариант, и процедура его исследования едва ли не обесмысливается. С подобной проблемой сталкиваются и исследователи художественной литературы: так, при определении границ предложения «не учитывается возможная субъективность автора при расстановке знаков препинания, расхождение пунктуации и интонации и разобщаются структурно близкие явления. Например, несмотря на структурную близость отрезков речи: 1) «It kills whales, not men» ... и 2) «I thought I married

Doctor Manson... Not Doctor Bernardo», ... 1) – одно предложение, а 2) – два только потому, что отрезок 1) разделён запятой, а отрезок 2) – точкой» [Вейхман 1961: 97; Валимова 1973: 92–93]. Именно поэтому для полноценной эдиционной и научной работы фольклористов и лингвофольклористов так важны разработка специальных, предназначенных для издания именно фольклорных текстов, принципов пунктуации и, возможно, внедрение в практику *иных или дополнительных* пунктуационных знаков, которые могли бы более точно передать богатство оттенков, нюансов звучащей речи исполнителя.

Мы указали лишь на некоторые сложности и проблемы, ожидающие любого лингвофольклориста на пути синтаксических исследований. Очевидно, специалисты в области фольклорной лексики, морфологии или словообразования также сталкиваются с существенными проблемами при изучении и интерпретации своего материала [Бобунова, Климас, Праведников, Хроленко 2005]. Лингвофольклористика – отрасль молодая, и процесс наработки теоретической базы ей еще только предстоит. В настоящее же время исследователю приходится «лабиринтировать» между препятствиями методологического характера, совершенствуя приёмы и принципы анализа текста в буквальном смысле слова «на ходу».

Сложившиеся школы лингвофольклористики (*воронежская, курская и петрозаводская*) в качестве приоритетных выдвигают разные задачи и ставят разные цели. Поэтому методика и методология научных исследований, выполненных в рамках этих школ, могут различаться весьма существенно. Это вполне естественно для любой научной дисциплины и не только не препятствует глубокому пониманию специфики своего предмета и объекта, но, напротив, способствует разностороннему, многоаспектному освещению наиболее узловых, проблемных теоретических вопросов.

Представители курской школы лингвофольклористики сконцентрировали усилия на проблемах фольклорной лексикографии (М. А. Бобунова), лексикологии (И. С. Климас) и «фольклорной диалектологии» (С. П. Праведников) [Хроленко 2005: 444; Хроленко 2010б]. Курскими учеными предложены следующие методы анализа фольклорных текстов и обработки словарных статей:

1) *метод доминантного анализа* (выявление, изучение и описание наиболее частотных знаменательных слов в аспекте языковой картины мира).

2) *метод кластерного анализа* (кластер – объединение языковых элементов, обладающих некоторыми общими признаками; кластерный анализ – лексикографическое описание всех входящих в кластер лексем с параллельным установлением всех связей каждого слова с остальными словами, представляющими один и тот же фрагмент фольклорной картины мира). «У кластерного подхода... значительные эвристические возможности. Описание кластера фитонимов (наименований реалий флоры), например, выявило неточность некоторых толкований в фундаментальном “Словаре русских народных говоров”: *задуброветь* – это не только ‘зарастить лесом’, но и ‘покрыться дубровой’ ‘густая трава’. *Тисовая* – не ‘сделанная из тиса’, а *тесовая* ‘из теса’. Кластерный подход, учитывающий изофункциональность лексем, позволяет толковать так называемые “темные” слова... *Ходил там ведь гулял купат молодец*. «*Не знает*» – комментирует собиратель. Учет “фонетического веера” эпитета (*упалый, упавый, купав[ый], хупав[ый]*) позволяет толковать “темное” слово как ‘красивый, пригожий’» [Бобунова, Хроленко 2000: 13–14].

3) *метод сжатия конкорданса* (учет абсолютно всех употреблений описываемого слова в пределах определённого корпуса текстов). Конкорданс – алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления. «Сжать конкорданс можно, оставив самые важные, актуальные для данного фольклорного текста связи описываемого слова с другими словами этого текста. “Выжимка” из конкорданса как раз и составит ядро словарной статьи» [Бобунова, Хроленко 2000: 6].

4) *метод аппликации словарных статей* (сопоставление эквивалентных статей, составленных на базе текстов, записанных в различных регионах; данный метод дает возможность устанавливать территориальную специфику и границы инвариантности в фольклорной лексике, позволяет выявить определенные черты этнической ментальности) [Бобунова, Хроленко 2000: 3–14; Бобунова 2004: 178].

Разработанные курскими учеными методики анализа фольклорного текста дали возможность заложить основы оригинального научного направления – кросскультурной лингвофольклористики. «Кросскультурная лингвофольклористика основывается на сравнении фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству двух и более этносов. Цель кросскультурной

лингвофольклористики – выявление культурных смыслов, аккумулярованных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в совокупностях текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как манифестантов этнической ментальности, поиск общего и специфичного в традиционной культуре этносов, углубленное исследование феномена этнической ментальности, разработка эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка. Анализ выходит за пределы собственно языка фольклора и вторгается в область антропологии, лингвокультуроведения и этнолингвистики» [Хроленко 2010а: 146–147].

Представляется, что опыт курян может оказаться полезным и для петрозаводской школы лингвофольклористики. Методы кросскультурного анализа фольклорных текстов – важный инструмент в руках исследователя традиций полиэтничного региона. Народы Карелии никогда не находились в изоляции друг от друга, и взаимное влияние прибалтийско-финской и русской культур отразилось и в языке, и в фольклоре, и в литературе. Кросскультурное исследование могло бы стать междисциплинарным и объединить фольклористов, лингвистов и, возможно, этнологов. В этом плане потенциал кросскультурной лингвофольклористики очень высок.

Большую роль в апробации, разработке и развитии методов анализа фольклорного языка играет воронежская школа лингвофольклористики, руководимая Е. Б. Артеменко. В сфере внимания воронежских исследователей – широчайший спектр проблем, связанных с изучением фольклорного текстообразования, фольклорного синтаксиса, фольклорной концептосферы и средств ее языковой репрезентации [Доброва, Черванева 2007]. Наряду с традиционными методами и принципами анализа языка (структурно-семантический подход к анализу синтаксических единиц, классические приемы и процедуры морфологического и лексического анализа), воронежские лингвофольклористы активно используют и методы когнитивной лингвистики. «Лингвокогнитивный анализ фольклорных текстов позволяет выявить и описать содержание репрезентируемой ими фольклорной картины мира, которая представляет собой фрагмент концептуальной картины этноса, одну из ипостасей картины мира носителей фольклорной традиции» [Черванева, Артеменко 2004: 5]. Исследование языка фольклора и запечатленного в нем народного менталитета осу-

ществляется через описание таких категорий когнитивной лингвистики, как *концепт*, *геиштальт* и т. д. Материалом для работ воронежских лингвофольклористов являются жанры классического фольклора: лирическая песня, волшебная сказка, былина.

С иных позиций подходит к изучению языка фольклора петрозаводская школа лингвофольклористики во главе с З. К. Тарлановым. Центральной проблемой, на которой сфокусировано внимание исследователей, является проблема жанровой дифференциации, взаимодействия в тексте грамматических и поэтических категорий [Тарланов 1988]. Соответственно, более широк круг жанров, привлекаемых для исследований: здесь и сказка, и былина, и историческая песня, и духовный стих, и пословица, и заговор, и загадка, т. е. многообразие прозаических и стихотворных жанров крупной и малой формы. В то же время и петрозаводские лингвофольклористы пока не выходят за пределы классического фольклора; изучение современных жанровых форм – дело будущего. Приоритетным направлением стало исследование синтаксиса языка фольклора в его отношении к жанровой поэтике. Следовательно, широкое распространение получили методы и принципы синтаксического анализа текста. К их числу относятся: 1) логико-синтаксический, 2) метод описания синтаксических единиц с опорой на учение о частях речи, 3) метод стилистического эксперимента, 4) метод актуального членения, 5) структурно-функциональный, 6) сравнительно-типологический и др. [Тарланов 1995; Петров 2011].

Интересен опыт московской исследовательницы С. Е. Никитиной, избравшей форму тезаурусного описания как инструмент лингвистического анализа фольклорного текста [Никитина 2009]. Базовые теоретические понятия, лежащие в основе данной методики, – *модель мира*, *концепт* и *ключевое слово*. Модель мира – это «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Топоров 1992: 163]. Под концептом понимается «сгусток смысла, существенный для данной культуры, реализуемый в разных культурных кодах (природно-предметном, артефактном, акциональном, музыкальном, вербальном и т. д.) и аксиологически окрашенный [Никитина 2009: 22]. Ключевое слово – это вербальное воплощение того или иного концепта культуры. Тезаурусное описание осуществляется по ключевым словам, особым для каждого жанра. Критериями отнесения слова к ключевому являются:

частотность слова, его словообразовательные возможности, участие во фразеологизмах, наличие значительного количества синонимов, большое количество семантических связей, вхождение в разнообразные клише, участие в ассоциативном ряде, способность слова стать темой отдельного текста. В жанре духовных стихов, например, к таким ключевым словам относятся: *человек, мир, богатство, злато, убогий* и др.

Таким образом, современная лингвофольклористика втягивает в свою орбиту всё большее и большее количество направлений и областей научного поиска. Это приводит к необходимости постоянно обновлять, развивать и совершенствовать методологическую базу исследований. В настоящее время лингвофольклористы используют не только традиционные или современные методы лингвистики и фольклористики, но и собственные, оригинальные принципы и приемы анализа текста. Потенциал лингвофольклористики еще далеко не раскрыт. Можно предположить, что совершенствование методов и алгоритмов лингвистического анализа фольклорного текста станет необходимым инструментом для исследования национального языка во всей его формальной и стилистической многослойности, для познания этнической культуры и менталитета и, в целом, человеческой личности в разнообразии ее языковых и психологических проявлений, что вполне согласуется с установками новейшей антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания.

Литература

Амроян 2005 – Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М., 2005.

Бобунова 2004 – Бобунова М. А. Фольклорная лексикография. Курск, 2004.

Бобунова, Климас, Праведников, Хроленко 2005 – Бобунова М. А., Климас И. С., Праведников С. П., Хроленко А. Т. Эвристический потенциал лингвофольклористики // *Palaeoslavica*. XIII / 2005. № 1. Cambridge, Massachusetts. P. 260–280.

Бобунова, Хроленко 2000 – Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора. Курск, 2000.

Валимова 1973 – Валимова Г. В. Сложное предложение и сочетание предложений // *Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка*. Ростов-на-Дону, 1973. С. 90–98.

Вейхман 1961 – Вейхман Г. А. К вопросу о синтаксических единствах (на материале современного английского языка) // *Вопросы языкознания*. 1961. № 2. С. 97–105.

Доброва, Черванева 2007 – Доброва С. И., Черванева В. А. Полвека воронежской школе лингвофольклористики // Традиционная культура. 2007. № 2. С. 74–78.

Медриш 1980 – Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980.

Никитина 2006 – Никитина С. Е. К проблеме составления словарей языка фольклора // Первый всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М., 2006. Т. 2. С. 66–82.

Никитина 2009 – Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М., 2009.

Петров 2011 – Петров А. М. Петрозаводская школа лингвофольклористики: Теоретические основы, методы, жанры // Славянская традиционная культура и современный мир: Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: Сб. научных статей. М., 2011. Вып. 14. С. 110–120.

Пропп 1976 – Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Савельева 1988 – Савельева Л. В. Полицентризм как архаическая черта синтаксического строя устнопоэтических произведений // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 39–50.

Тарланов 1988 – Тарланов З. К. Актуальные вопросы изучения языка русского фольклора (обзор основных направлений) // Филологические науки. 1988. № 2. С. 14–19.

Тарланов 1995 – Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск, 1995.

Толстая 2005 – Толстая С. М. Фольклор и этнолингвистика // Первый всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 118–132.

Топоров 1992 – Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. М., 1992. С. 161–164.

Хроленко 2005 – Хроленко А. Т. Современное состояние и перспективы лингвофольклористики // Первый всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 442–447.

Хроленко 2010а – Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику. М., 2010.

Хроленко 2010б – Хроленко А. Т. Курская лингвофольклористика // Традиционная культура. 2010. № 2. С. 37–39.

Черванева, Артеменко 2004 – Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. Воронеж, 2004.

Н. Д. Москин, А. М. Петров

**Использование нечетких теоретико-графовых моделей
для анализа синтаксической структуры
музыкально-стихотворного фольклора
(на материале эпических духовных стихов)**

Современная фольклористика и лингвофольклористика, обращаясь к проблеме формального языкового анализа текста, сталкиваются с теоретическими и практическими трудностями, которые с помощью традиционных лингвистических и фольклористических методов преодолеть очень непросто. Причиной такого положения дел является специфика фольклорного текста: его устность и, как следствие, недифференцированность синтаксических и смысловых связей, зыбкость границ между композиционными блоками и интенсивная вариативность, которой подвержены даже формульные языковые структуры. С другой стороны, фольклорный текст – это текст традиционный и регламентированный. Он обладает своей специфической грамматикой, что позволяет описывать его в точных терминах и с использованием точных моделей, хотя, разумеется, и скорректированных сообразно его специфике. Обследование языка фольклора с учетом его двойственной природы – одна из актуальных тенденций современной фольклористики. Такая работа требует привлечения не только традиционных филологических методов, но и методов, выработанных в рамках точных наук.

Для исследования фольклорного языка могут привлекаться тексты разных жанров: это могут быть тексты прозаические (например, сказки, предания, легенды) или стихотворно-музыкальные (например, былины, исторические песни). Материал для исследования в предлагаемой работе – русские духовные стихи. Выбор именно этого жанра обусловлен двумя важнейшими обстоятельствами.

Во-первых, духовные стихи совмещают в себе фольклорные и литературные традиции. Они разнообразны в стилистическом плане, что создает значительные трудности при синтаксической интерпретации этих текстов.

Во-вторых, духовные стихи как жанр музыкально-стихотворный обладают особой синтаксической организацией. Текст, образованный путем сегментации на музыкально-стихотворные отрезки (стихи), строится при помощи специфических текстообразующих моделей [Артеменко 1977]: разные виды повторов (в терминологии Е. Б. Артеменко, концентрирующий, цепной, позиционный), синтаксический параллелизм, межстиховая атрибуция и т. д. Синтаксические звенья, которые являются конструктивной базой для данных моделей, построены по нормам паратаксиста [Савельева 1988]. Изучение духовных стихов в аспекте их музыкально-стихотворной организации позволит получить более полные сведения о разновидностях синтаксических единиц в фольклорном тексте именно данного типа.

Фактологическая база исследования – это тексты из опубликованных [Бессонов 1861–1864; Ляцкий 1912; Селиванов 1991; Солощенко, Прокошин 1991 и др.] и рукописных архивных источников (материалы Научного архива Карельского научного центра РАН) на известные общерусские сюжеты («Егорий Храбрый», «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Голубиная книга» и др.).

В современной теории синтаксиста хорошо известны так называемые деревья зависимостей. Здесь считается заданным анализ предложения, устанавливающий подчинительные связи между словами согласно постулатам традиционной грамматики и грамматики зависимостей [Севбо 1981]. Эта методика в основном разработана на материале текстов художественной литературы или разговорной речи. Текст же фольклорный обладает структурной и семантической спецификой. Данное обстоятельство обусловило необходимость модификации моделей с учетом особенностей языка фольклора: недифференцированность языковых явлений, вариативность текста и т. д. Для решения этой задачи мы предлагаем использовать нечеткие теоретико-графовые модели, описание которых приводится ниже.

Этапу формализации синтаксических структур предшествует этап композиционной сегментации текстов. Обычно при формальном анализе текст членится на предложения, которые и представляются в виде, например, графов. Такой подход, оправданный для литературных текстов, не вполне корректен для текста фольклорного. При устном бытовании границы между предложениями не всегда ясны, а опора на пунктуационные знаки, расставленные издателями в опубликованных сборниках,

не всегда надежна, тем более что принципы пунктуации со временем могут меняться. В этих условиях выходом может стать членение текста не на предложения, а на композиционные блоки: границы между ними более определены (хотя, как мы увидим далее, и здесь имеются свои трудности, обусловленные опять-таки спецификой фольклорного текста).

Как известно, в основе эпического сюжета всегда лежит действие (событие или факт). Соответственно, выделение композиционного блока (или фрагмента) базируется на выявлении *фактуальной* информации о тексте в ее *хронологической* обусловленности.

Проиллюстрируем сказанное примером из духовного стиха о Егории Храбром – змеборце [Бессонов 1861–1864, № 117]. Действие открывается экспозиционной частью: инициальными формулами времени (темпоральной) и существования (экзистенциальной) и описанием трех городов, которые Бог по-разному карает за грехи: «*Вов восьмом году, восьмой тысящи / Вов марте было месяце / Был Содом город, был Комор город, / Третье было царство Арапинское. / Содом город сквозь землю шол, / А Комор город огнем прожгало. / Что на то ли царство Арапинское / Встала змея лютая Пещерская, / Вов каждые суточки / Стала съедать по головицу*». Жители города собираются, чтобы бросить жребий: кого принести в жертву лютой змее? Жребий выпадает самому царю: «*Народу во граде мало становилося: / Собиралися мужички на един место, / Стали мужички жеребье кидать; / Вытало жеребье самому царю: / Завтра надо ехать на сине море, / Ко лютому змею на съедение*». И далее: царь рассказывает о случившемся жене, она дает ему совет отправить на съедение к змею родную дочь под предлогом выдачи замуж; дочь готовится к свадьбе, переодевается; утром ее отвозят к морю, в котором живет змей; появляется Егорий Храбрый; выходит змей; Егорий побеждает змея; девица ведет змея в город и требует поставить три церкви, угрожая отпустить змея, если требование не будет выполнено; три церкви установлены, жители обращены в христианскую веру; финальная формула (в некоторых вариантах отсутствует).

Практическое деление на блоки представляет собой довольно сложный процесс, поскольку необходимо учитывать не только художественную хронологию, но и разные варианты и тонкости смены, чередования и взаимодействия планов описания и повествования, монологических и диалогических форм речи, субъектов и объектов речи и действия и т. д. Процесс композиционной сегментации осложняется тем, что фольклорный текст существует во множестве вариантов. При этом

композиционные блоки могут находиться в «свободном плавании»: в разных вариантах меняться местами, отсутствовать в одном варианте и появляться в другом, некоторые из них более устойчивы, другие – менее; не всегда прозрачны и сами границы между блоками. Во многом блоковая организация текста носит рыхлый, диффузный характер. Следовательно, понятие композиции, выработанное в традициях литературоведения, по отношению к фольклорному тексту оказывается не всегда применимым и четко работающим. Данная проблема пока что не нашла разрешения в фольклористике, хотя уже неоднократно формулировалась исследователями [Мальцев 1989]. В настоящей работе мы выделяем композиционные блоки, опираясь на структурно-семантические критерии, хотя и отдаем себе отчет в том, что прямолинейное деление на блоки и фрагменты носит достаточно условный характер.

Для формального описания размытых, недифференцированных композиционных границ мы предлагаем использовать понятие нечетких множеств [Берштейн, Боженок 2005], ранее апробированное нами при анализе фольклорного явления вариативности [Москин, Петров 2011¹].

Рассмотрим в некотором тексте множество слов X и множество композиционных блоков Y . Каждому слову поставим в соответствие функцию принадлежности, которая принимает значение от 0 до 1 включительно. Если слово не принадлежит блоку, то соответствующее значение функции равно нулю, если принадлежит, то – единице. Если же граница размыта, то есть слово может принадлежать разным блокам, то значение находится в интервале от 0 до 1, которое определяется на основе знаний эксперта в данной области.

На рис. 1 приводится пример четкой и нечеткой принадлежности слов различным композиционным блокам:

1. Четвертое слово принадлежит только блоку b и не принадлежит другим блокам:

$$A = \{ \langle a/0 \rangle, \langle b/1 \rangle, \langle c/0 \rangle \}$$

2. Восьмое слово принадлежит блокам b и c с вероятностью 50 %:

$$B = \{ \langle a/0 \rangle, \langle b/0.5 \rangle, \langle c/0.5 \rangle \}$$

¹ В указанной статье в результате технического сбоя фамилия второго автора (А. М. Петрова) оказалась удалена из заголовка.

Рис. 1. Принадлежность слов текста композиционным блокам

При формализации синтаксической структуры текстов особую трудность вызывают случаи неопределенных, недифференцированных отношений между синтаксическими объектами. В фольклорном тексте количество таких объектов достаточно велико, особенно в тексте стихотворном [Петров 2007]. На данном этапе исследования трудно говорить о четкой и разработанной типологии недифференцированных синтаксических явлений, однако уже сейчас можно выделить некоторые их типы.

Так, к часто встречающимся в условиях музыкально-стихотворной организации текста недифференцированным явлениям можно отнести наполнительные частицы «ай», «ой», «да», «как», «что», «а» и подобные, регулирующие количество слогов в стихе. Они, помимо прочего, могут служить цели распева и делимитации². Например:

А стала змия она полётывать,

А стала народу похватывать.

Ай, народу стало мало водитсе.

А напала змия да налётывать,

Ай, напала скот да похватывать,

Ай, скотины ведь мало видитсе [Соколовы 2007: 87].

При анализе подобных элементов основная трудность заключается в выявлении их места в синтаксической иерархии предложения и, соответственно, в структуре дерева зависимостей. Наиболее целесообразным представляется объединение подобных частиц со смежными словоформами в виде одной вершины, при этом частица заключается в скобки (рис. 2).

² Под делимитацией, вслед за Е. Б. Артеменко, мы понимаем обозначение границы новой музыкальной фразы.

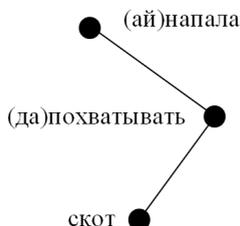

Рис. 2. Модель фрагмента стиха с частицей-делимитатором

Однако только этим проблема частиц-делимитаторов в фольклорном тексте не исчерпывается. Указанные частицы могут вступать в отношения потенциальной омонимии с сочинительными союзами. При этом размываются границы между союзной и бессоюзной связью:

*А была три да царьсва да неверных,
А Додон город скрозь землю пустил,
А Додон город да огнем пожег,
А на третьє царьсво на Рахлинское
Напустил змию да поганую* [Соколовы 2007: 86–87].

В данном примере не вполне очевидна грамматическая природа анафорического «а» в третьем и четвертом стихах: с одной стороны, контекст указывает на то, что это анафорическая частица, с другой — эта «частица» может характеризовать сопоставительно-противительные отношения между предикативными единицами, приобретая таким образом признаки противительного союза.

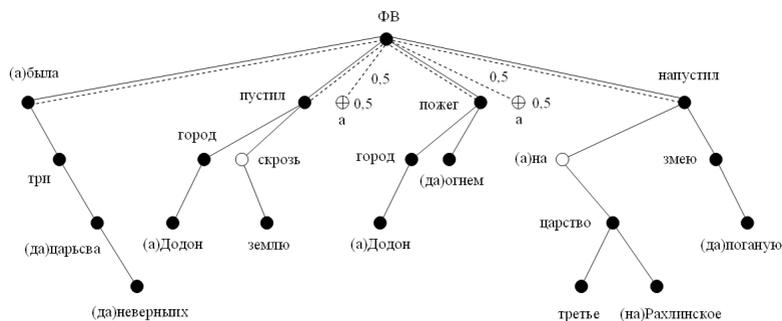

Рис. 3. Теоретико-графовая модель композиционного блока

Подобные случаи нередки, и они должны быть отражены в формальной модели предложения. Для этого можно использовать нечеткие вершины и связи в графе [Берштейн, Боженюк 2005]. Если слово совмещает в себе признаки ритмообразующей частицы и сочинительного союза, то оно отображается на графе два раза. В первом случае оно объединяется со смежной словоформой и заключается в скобки. Во втором случае оно представляется в виде вершины с весом 0,5, соединенной с фиктивной вершиной (ФВ) ребром веса 0,5 (рис. 3).

Целый ряд проблем при формализации синтаксической структуры текста связан с наличием в музыкально-стихотворных жанрах *цепного повтора*. Данный повтор представляет собой специализированную текстообразующую модель, которая во многом определяет столь своеобразный синтаксический облик эпического фольклорного текста. Например:

А видь волны тут во синем мори,
Во синём мори расходишсе [Соколовы 2007: 89].

Формализация этой текстообразующей схемы осуществляется следующим образом (рис. 4):

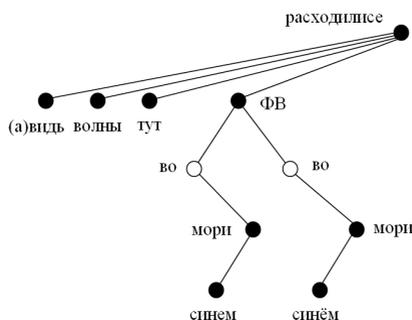

Рис. 4. Модель цепного повтора

Весьма продуктивным в синтаксисе рассматриваемого жанра является *местоименное дублирование подлежащего-существительного* — признак разговорной речи, широко распространенный также за пределами языка фольклора. Например:

А стала змия она полётывать [Соколовы 2007: 87].

Графическая модель этой структуры имеет следующий вид (рис. 5):

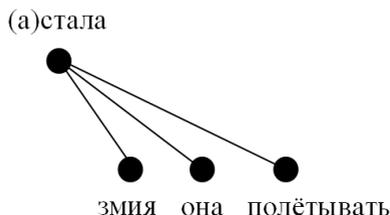

Рис. 5. Модель с местоименным дублированием подлежащего-существительного

Многие синтаксические явления в фольклорном тексте носят уже не такой регулярный характер. Именно нерегулярные синтаксические явления придают фольклорному синтаксису заметную «рыхлость», а подчас даже непредсказуемость. Сюда можно отнести и разнотипные структурные контаминации, и оговорки исполнителя, и пропуски, и самоперебивы. Все эти явления обусловлены устным характером исполняемого текста, его импровизационной природой. Они требуют специального исследования, с учетом уже накопленных знаний по синтаксису устной разговорной речи [Лаптева 2003; Шведова 2003 и др.]

Для проведения сравнительного анализа полученных теоретико-графовых моделей можно использовать несколько подходов. Первый основан на применении различных числовых инвариантов графов (например, диагностических параметров, с помощью которых [Севбо 1981] решалась задача определения стилей различных авторов). Другой подход основан на использовании подграфовой метрики. За рубежом данное направление получило название «graph matching» (соответственно для сравнения деревьев — «tree matching») [Bunke 2000]. Эти методы нашли свое применение в обработке изображений и текста, в химии, молекулярной биологии, дактилоскопии и т. д. На множестве графов задается расстояние, которое позволяет оценить, насколько те или иные структуры «похожи» друг на друга. К подобным мерам можно отнести метрики на основе максимального общего подграфа (maximum common subgraph), минимального общего надграфа (minimum common supergraph), на основе операций редактирования (graph edit distance).

Для сравнения деревьев также используется расстояние на основе «выравнивания» деревьев (tree alignment).

Однако эти метрики требуют модификации, поскольку мы имеем дело с нечеткими моделями с упорядоченными вершинами. Рассмотрим, как это можно сделать на примере метрики для сравнения деревьев на основе операций редактирования. Здесь расстояние ищется как минимальная суммарная стоимость операций редактирования (вставка, удаление и переименование вершин и ребер), которые преобразуют граф в другой. Представим граф в виде цепочки порождающих его подграфов в соответствии с порядком ребер (рис. 6). При этом номера ребер можно установить как среднее арифметическое номеров смежных им вершин. Далее последовательно находятся расстояния между элементами цепочек, и итоговое расстояние определяется как их сумма или максимальное значение [Москин 2009]. Если размерности графов различны, то можно увеличить цепочки порождающих графов за счет повторения графа с меньшим числом ребер до тех пор, пока длины обеих цепочек не совпадут.

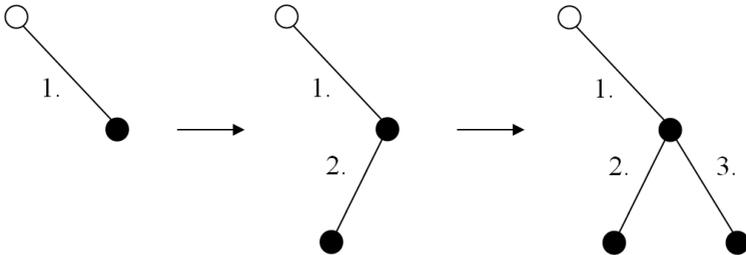

Рис. 6. Цепочки порождающих подграфов

Заметим, что при вычислении расстояния между подграфами вес операции переименования вершин и ребер будет зависеть от степени их «нечеткости», т. е. от соответствующих значений функции принадлежности. Здесь можно поступить по-разному, это зависит от целей и задач исследования. Если вершины одного типа (например, полнозначные слова) и оба значения функции принадлежности равны единице, то вес операции можно принять равным нулю, если значения — 0,5 и 1, то вес операции будет равным 0,5, т. е. разности этих значений.

Процедура анализа усложняется тем обстоятельством, что корпус подлежащих исследованию текстов может достигать нескольких сотен. Следовательно, возникает необходимость в автоматизированной обработке текстового материала. Для такой обработки необходимо специализированное программное обеспечение, аналогов которому в настоящее время нет. Существующие программы по сравнительному анализу графовых моделей (например, Graph Matching Toolkit или «Мастерская граф-моделей») ориентированы на анализ графов, не связанных с текстами (тем более с фольклорными), и не учитывают их специфику. Существующие же лингвистические программы обработки текстов естественного языка используют другие модели и также не годятся для анализа фольклорного текста.

С 2001 года на кафедре информатики и математического обеспечения ПетрГУ ведется разработка информационной системы по исследованию фольклорных коллекций с теоретико-графовой формализацией текстов. В настоящее время программа содержит шесть функциональных модулей [Москин 2010]: модуль ввода и редактирования фольклорных текстов, модуль анализа текстов (включает процедуры графематического, морфологического и контент-анализа текстов, а также встроенный морфологический словарь), модуль автоматизированного построения теоретико-графовых моделей, модуль сравнения и классификации графов, модули визуализации и агрегации теоретико-графовых моделей. Для ввода и всестороннего изучения описанных выше моделей необходимо разработать интеллектуальную подсистему анализа нечетких деревьев и графов. Впоследствии ее можно использовать для поддержки исследований других текстовых коллекций.

Также перспектива настоящего исследования заключается, во-первых, в расширении текстового материала, подлежащего анализу; во-вторых, в разработке более четкой и разветвленной классификации синтаксических явлений эпического фольклора с использованием предложенной математической модели; в-третьих, в привлечении в качестве сопоставительного материала корпуса лирических духовных стихов, обладающих собственной синтаксической спецификой.

Литература

Артеменко 1977 – Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.

Берштейн, Боженюк 2005 – Берштейн Л. С., Боженюк А. В. Нечеткие графы и гиперграфы. М.: Научный мир, 2005.

Бессонов 1861–1864 – Бессонов П. А. Калеки переходные. М., 1861–1864. Вып. 1–6.

Лаптева 2003 – Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Ляцкий 1912 – Ляцкий Е. А. Стихи духовные. Слова золотые. СПб., 1912.

Мальцев 1989 – Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989.

Москин 2009 – Москин Н. Д. Алгоритмы сравнения графов и теоретико-графовых моделей: учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009.

Москин 2010 – Москин Н. Д. Инструменты исследования текстовых коллекций на основе теоретико-графовых моделей в информационной системе «Фольклор» // Прикладная информатика. 2010. № 4 (28). С. 48–62.

Москин, Петров 2011 – Москин Н. Д., Петров А. М. О применении нечетких графов при анализе вариативности фольклорных текстов // Рябининские чтения–2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (12–17 сентября 2011 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 339–342.

Петров 2007 – Петров А. М. О некоторых типах недифференцированных синтаксических структур в языке фольклора // Лингвофольклористика на рубеже XX – XXI вв.: Итоги и перспективы. Сб. докладов на Международном научном семинаре. Петрозаводск, 2007. С. 75–82.

Савельева 1988 – Савельева Л. В. Полицентризм как архаическая черта синтаксического строя устнопоэтических произведений // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 39–50.

Севбо 1981 – Севбо И. П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. Киев: Наукова Думка, 1981.

Селиванов 1991 – Стихи духовные / Сост. Ф. М. Селиванов. М.: Советская Россия, 1991.

Соколовы 2007 – Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых (1926–1928): По следам Рыбникова и Гильфердинга. Т. 1. Эпическая поэзия. М.: Наука, 2007.

Солощенко, Прокошин 1991 – Голубинная книга: Русские народные духовные стихи XI – XIX вв. / Сост. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошин. М.: Моск. рабочий, 1991.

Шведова 2003 – Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003.

Bunke 2000 – Bunke H. Graph matching: theoretical foundations, algorithms, and applications // Proc. Vision Interface. Montreal, 2000. P. 82–88.

И. П. Новак

Приемы и методы морфонологического исследования (на примере альтернативной системы карельского языка)

Морфонология – раздел языкознания, изучающий фонологическую структуру морфем разного типа и использование фонологических различий в морфологических целях. Становление морфонологии как отдельного раздела языкознания относится к 20–30-м гг. XX в. и связано с работой пражской фонологической школы. Объектом морфонологии является варьирование фонем в составе морфем одной морфемы, т. е. их альтернативы. Она занимается изучением звукового состава морфем, преобразований морфем и различных явлений на стыках морфем [ЛЭС 1990: 315]. Поэтому морфонология нередко рассматривается как нечто среднее между фонологией и морфологией, а следовательно, пользуется методами обеих дисциплин. Разбор методов морфонологического исследования будет произведен на примере явления чередования ступеней согласных карельского языка с опорой на работы Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 2009], З. К. Тарланова [Тарланов 1995], Лингвистический энциклопедический словарь [ЛЭС 1990].

Чередование (альтернатива) – парадигматическое отношение между однородными единицами языка, способными заменять друг друга в составе более крупных единиц [ЛЭС 1990: 580]. Чередование свойственно, прежде всего, единицам звукового строя – звукам и фонемам, выступающим в составе морфем. Чередование ступеней согласных прибалтийско-финских языков заключается в различии смычно-взрывных согласных фонем, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы, мотивированном определенными условиями. Единицы, связанные отношением чередования, называют альтернативами (альтернативный ряд). Например, ливв.: *leibu: söin leivän* ‘хлеб: я съел хлеб’, *jogi: jovet* ‘река: реки’ – две пары альтернативов *b:v*, *g:v*.

Чередование ступеней согласных свойственно большинству прибалтийско-финских языков, а именно карельскому, финскому, эстонскому, ижорскому и водскому. В вепском и ливском языках так-

же можно обнаружить следы древнего явления, что позволяет говорить о его праязыковых корнях. Среди исследователей финно-угорских языков и сегодня ведется дискуссия о времени и причинах возникновения альтернации согласных. Большинство языковедов (М. Кастрен, А. Генетц, Д. В. Бубрих, П. Равила, Л. Хакулинен, Л. Пости, Э. Итконен, Т. Итконен и др.) относят зарождение явления к периоду функционирования прибалтийско-финского языка-основы [см., например, Ravila 1951: 297–298].

Очевидно, что есть несколько причин, которые в совокупности привели к возникновению альтернации. К ним следует отнести в первую очередь естественные причины, вызванные произносительными особенностями, т. е. ударностью/безударностью слога и распределением энергии при произношении открытых и закрытых слогов. Изменение в тысячелетиями развивающемся праязыке не могло произойти внезапно, нужен был какой-то внешний толчок, в качестве которого вполне могло послужить германское влияние [Posti 1953: 78–79].

В прибалтийско-финском языке-основе функционировали радикальное чередование, происходившее в основе слова, и суффиксальное, затрагивавшее, соответственно, аффиксы [Lehtinen 2007: 147]. Следует отметить, что в процессе развития многие виды суффиксального чередования в современных прибалтийско-финских языках уравнились в пользу одной из ступеней. Приведем пример сохранившегося вида суффиксального чередования из карельского языка. Например, собств.-кар.: окончание партитива: *ei ole puu-ta* ‘нет дерева’: *ei ole kalu-a* ‘нет рыбы’.

Остановимся далее на радикальном чередовании. По характеру дифференциальных признаков альтернантов различают количественное и качественное виды радикального чередования. Количественное чередование во всех современных карельских наречиях распространяется на геминаты *kk*, *tt*, *pp*, *čč* и вызывает их сокращение, качественное чередование в собственно-карельском и ливвиковском наречиях затрагивает одиночные смычно-взрывные *k/g*, *t/d*, *p/b*, находящиеся в интервокальной или постконсонантной позиции, в результате чего происходит замена этих согласных другими (*v*, *j*), их полное исчезновение или ассимиляция с предшествующим согласным. Например, собств.-кар.: *kukko: kukot* ‘*петух: петухи*’ – количественное чередование; *pata: puašša* ‘*горшок: в горшке*’, *pelto: pellolla* ‘*поле: на*

поле' – качественное чередование. Выбор ступени при радикальном чередовании зависит от качества слога, т. е. сильная ступень (неизменная) выступает в открытом слоге (заканчивающемся на гласный звук) или первоначально открытым, а слабая (измененная) в закрытом (заканчивающемся на согласный звук) или первоначально закрытом слоге. Например, ливв.: радикальное чередование: *mat-to: ma-tot* '*ковер: ковры*', *ma-do: ma-vot* '*червь: черви*'.

Изменение качества слога, а следовательно, и чередование ступеней согласных происходит в процессе словоизменения и словообразования, т. к., присоединяясь к основе, грамматический показатель или словообразовательный аффикс в зависимости от своей структуры либо оставляет последний слог основы открытым, либо закрывает его. Однако в силу целого ряда фонетических изменений открытые слоги становятся закрытыми и, наоборот, закрытые открываются, но это уже более не способно повлиять на изменение ступени чередования в основе слова. Решающую роль в выборе ступени в карельском языке теперь играет лишь облик морфемы, а не ее звуковой состав, что и позволяет относить карельскую альтернацию к явлению морфонологии [Новак 2011: 187].

Морфонологическая типология чередования, таким образом, объединяет фонологическую и морфологическую типологии. Фонологическая типология включает в себя два параметра: фонологический статус альтернантов и степень фонетической обусловленности чередования, морфологическая типология основывается на взаимосвязи грамматического значения и чередования [Маслов 1979: 195–199]. Поэтому одной из основных задач изучения системы карельского чередования является синхронический и диахронический анализ явления в наречиях карельского языка (собственно-карельское, ливвиковское и людиковское наречия) как с чисто фонологической, так и с морфонологической точки зрения. В соответствии с названной целью определяются и основные методы исследования. В процессе работы сочетаются и комбинируются различные общенаучные и чисто лингвистические приемы.

Весь ход исследования системы чередования ступеней согласных карельского языка можно разбить на два основных этапа: собственно фонологический, на котором выявляются фонологические особенности альтернативных систем карельских наречий, и морфонологический, посвященный исследованию чередования ступеней согласных в морфонологическом аспекте.

Поскольку изучение карельской альтернативной системы строится на диалектном материале одного языка (карельского) с опорой на близкородственные прибалтийско-финские языки, основным методом является сравнительно-исторический метод, включающий в себя целый комплекс приемов. Сравнительно-исторический метод является важнейшим инструментом познания языков. Благодаря данному методу удастся смоделировать праязыковое состояние языка, ведь иногда только наличие представления об исходной праприбалтийско-финской и древнекарельской системах чередования позволяет объяснить особенности функционирования явления в современных карельских наречиях и диалектах.

На начальной фазе исследования альтернативы карельского языка используются метод наблюдения (наблюдение над устными и письменными текстами) и компаративный метод. Метод сравнения (компаративный) считается универсальным приемом любого лингвистического исследования. Не менее значимы методы систематизации и описания, заключающегося, с одной стороны, в констатации отдельных явлений системы чередования карельских диалектов, а с другой – в целостном описании системы языковых фактов, рассматриваемых как в синхронном, так и в историческом аспекте. Сравнивая систему чередования современных прибалтийско-финских языков и их диалектов и реконструируя ее первоначальный облик (реконструкция прибалтийско-финской праязыковой и древнекарельской систем чередования путем сравнения альтернативных систем их дочерних языков), используем ретроспективное направление исследования: т. е. идем от засвидетельствованного состояния (не совсем обязательно опираться на старописьменные памятники, иногда вполне достаточно использовать современные материалы) к первоначальному.

В сравнительно-историческом методе важную роль играет прием исторического изучения языка. Воссоздание картины диалектного членения праязыка и выявление ареальных связей между соседними языками помогают объяснить различные диалектные особенности. Так, например, анализируя систему чередования ступеней согласных ливвиковского и людиковского наречий карельского языка и используя наряду со сравнительно-историческим сопоставительный метод, базирующийся на установлении несоответствий языков (в данном случае диафонии), особо важно учитывать тот исторический фон, на котором

они сформировались. Представительство фонологического явления в данных наречиях объясняется степенью сохранения в них вепсского субстрата. Очевидно, при формировании ливвиковского наречия преобладающим оказался карельский компонент, в то время как в людиновском наречии он выступил менее значительным. Вероятнее всего, именно в результате влияния древнего вепсского языка произошло упрощение системы чередования ступеней в ливвиковском наречии (выравнивание слабоступенных альтернантов сочетаний согласных lg (ll<l), rg (rr<r) и ld (ll), rd (rr); утрата чередования смычно-взрывными, выступающими в положении после глухих согласных; утрата чередования в заударных слогах) и полностью утратилась качественная альтернация в людиновском. Таким образом, исследование не ограничивается простой констатацией особенностей функционирования системы чередования, делается попытка объяснить диалектные отличия.

В процессе объяснения диалектных особенностей в альтернативной системе карельского языка важную информацию, наряду со сравнительно-историческим, дает историко-сравнительный метод (вариация сравнительно-исторического метода, используемого в пределах одного языка). Одним из основных приемов историко-сравнительного метода является внутренняя реконструкция, заключающаяся в установлении этимологически изначальной формы изучаемой единицы путем сопоставления ее проявлений на разных этапах развития языка, а также причин, породивших языковые изменения.

На собственно исследовательском этапе также активно используется метод эксперимента в совокупности с методом оппозиций. Метод эксперимента в языкознании изначально применялся только в фонетике, однако со временем он стал важнейшим методом получения данных о живом языке. При исследовании диалектных отличий он используется особенно продуктивно. Объектом в данном случае является человек, выступающий информантом. Речь идет о полевом сборе материала. В сравнении с наблюдением в данном случае метод эксперимента оказывается более продуктивным, т. к. позволяет за довольно короткий промежуток времени обнаружить все возможные случаи чередования, встречающиеся в определенном говоре. На подготовительном к эксперименту этапе большую роль играет составление эффективных анкет-опросников, характер и число вопросов которых определяется задачей исследования. Опираясь на лич-

ный опыт проведения полевых работ, можно сделать вывод, что оптимальным количеством словосочетаний, предлагаемых для перевода, является число до тридцати. Для большей эффективности, таким образом, можно подобрать наиболее информативные словосочетания, которые, например, состояли бы из нескольких слов, обнаруживающих какое-либо чередование. Например, мокрые ноги (собств.-кар.: *märät* (< *märkä*) *jalat* (< *jalka*); ливв.: *märrät* (< *märgy*) *jallat* (< *jalgu*); люд.: *märgäd* (< *märg*) *jaldad* (< *jalg*)), ботинки из кожи (собств.-кар.: *kenkät* (< *kenkä*) *nahašta* (< *nahka*); ливв.: *kengät* (< *kengy*) *nahkas* (< *nahku*); люд.: *kengäd* (< *keng*) *nahkas* (< *nahk*)), на берегу реки (собств.-кар.: *joven* (< *joki*) *rannalla* (< *ranta*); ливв.: *joven* (< *jogi*) *rannal* (< *randu*); люд.: *jogen* (< *jogi*) *randal* (< *rand*)) и т. п., где каждое слово, переведенное на карельский язык, дает информацию о наличии или отсутствии в нем какого-либо вида альтернативности.

Конечно, применяя метод эксперимента, очень важно максимально исключить влияние интервьюера, также необходимо учитывать идиолект человека. Так, например, в процессе полевого сбора материала приходилось встречать карелов-ливвиков, живущих среди носителей людиковского наречия, и карелов-людиков, довольно долгое время живущих среди ливвиков. Естественно, их язык не мог не ощутить на себе влияния языка окружающих, особенно это заметно на системе чередования, когда ливвики опускают некоторые виды количественного чередования, а людики, наоборот, перенимают наиболее продуктивные из них. При обработке данных также важно принимать во внимание возраст информантов. Более молодые поколения носителей собственно-карельского и ливвиковского наречий карельского языка опускают в своей речи некоторые виды качественного чередования, что указывает на его непродуктивность. Достаточно объективную оценку системы в определенном говоре или диалекте позволяет получить метод оппозиций, когда происходит противопоставление различных форм друг другу и сравнение их между собой. Для обработки полевых материалов используются разновидности корреляционного анализа (составление таблиц, статистический метод).

В целом прием сбора диалектного материала путем анкетирования и интервьюирования (эксперимент), а также из уже опубликованных в разные периоды образцов речи (наблюдение), его дальнейшей обра-

ботки и интерпретации носит название диалектография и также является приемом историко-сравнительного метода. Ценные выводы при изучении диалектных особенностей фонологического явления и установлении границ их территориального распространения, а также ареалов их взаимодействия дают картографирование собранного материала и проведение связанных и конвергентных изоглосс (в нашем случае изофонов), являющиеся методами лингвистической географии. Так, например, удалось установить, что различие между северно-карельскими и южно-карельскими диалектами собственно-карельского наречия, проявляющееся в слабоступенном представительстве альтернантов при чередовании смычно-взрывного k/g, выступающего в позиции после сонорных согласных l, r (северно-карельские диалекты: jalka: jalat 'нога: ноги', märkä: märät 'мокрый: мокрые'; южно-карельские диалекты: jalga: jallat, märkä: märrät), можно объяснить влиянием на южные собственно карельские диалекты ливвиковского наречия карельского языка (jalgu: jallat, märgy: märrät). Очевидно, изменение произошло еще на стадии функционирования древнего карельского языка в одном из его диалектов, т. к. в связи с территориальным распространением ливвиковское наречие никак не могло повлиять на карельские диалекты центральной России (тверские, тихвинский и валдайский), сформировавшиеся в XVII в. в результате переселения карелов с исторической родины (Карельский перешеек) и относящиеся к южно-карельским диалектам собственно-карельского наречия. Многие конвергентные изофоны, в свою очередь, можно объяснить результатом длительных интенсивных контактов с русскоговорящими соседями. Здесь также важно использование приемов социолингвистики. На данном этапе развития карельского языка мы наблюдаем ситуацию билингвизма: каждый карел владеет русским языком (нередко даже лучше, чем карельским).

Любопытные данные дает применение статистического метода. Например, процент чередующихся лексем в собственно-карельском наречии составляет около сорока, приблизительно с одинаковой частотой фонологическое явление проявляется в глаголах и именах, наиболее часто в отношении количественного чередования вступает гемината tt, в качественное — одиночный палатальный смычно-взрывной согласный t/d, выступающий в различном фонетическом окружении.

Если на первом этапе исследования альтернативной системы карельского языка (фонологическом) активно используется метод изолирования, предложенный ленинградской фонологической школой, то на морфонологическом этапе существенное место занимает разработанный московской фонологической школой позиционно-морфематический метод, подразумевающий рассмотрение фонемы в составе морфемы. В совокупности с ним также используются такие общенаучные методы, как наблюдение, эксперимент, анализ. Немаловажную роль на данном этапе играют приемы сравнительно-исторического метода языкознания и ареальной лингвистики.

Эффективное использование перечисленных методов и приемов на фонологическом и морфонологическом этапах исследования позволяет получить достоверное представление о месте и роли системы чередования ступеней согласных в современных наречиях и диалектах карельского языка, выявить закономерности ее сложения и функционирования, объяснить диалектные отличия и все исключения из основного правила функционирования явления, проявляющиеся при словоизменении и словообразовании.

Литература

Алефиренко 2009 – Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Москва: Флинта, Наука, 2009. 416 с.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.

Маслов 1979 – Маслов Ю. С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979. С. 195–201.

Новак 2011 – Новак И. П. Формирование и функционирование чередования ступеней согласных в карельском языке (фонологический и морфонологический аспекты): Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петрозаводск, 2011. 232 с.

Тарланов 1995 – Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 192 с.

Lehtinen T. – Lehtinen T. Kielen vuosituhannet. Helsinki: SKS, 2007. 305 s.

Posti 1953 – Posti L. Fron Pre-Finnic to Late Proto-Finnic // Finnisch-ugrische Forschungen 31, 1953. S. 1–91.

Ravila 1951 – Ravila P. Astevaihtelun arvoitus // Virittäjä 55, 1951. S. 292–300.

А. П. Родионова

Семантико-грамматический подход в исследовании языковой картины мира

В последние десятилетия одной из важнейших тенденций в теоретической лингвистике стал отказ от проведения резких границ между грамматикой и лексикой. Представление человека о мире стало более точным и усложненным, и, как следствие этого, семантика языковых знаков стала более значимой для исследователей. Наметился переход от формально-грамматических классификаций слов и словоформ к изучению их содержательных характеристик в функциональном плане.

Среди исследователей утвердилось мнение о прямой связи семантики с грамматикой и убежденность в том, что грамматическая форма и синтаксические конструкции обладают своей конкретной семантикой. Так, например, по мнению Анны Вежбицкой, лексические и грамматические значения ничем не отличаются друг от друга: разница состоит только в том, что одни значения передаются знаменательными словами, а другие — формами слов, конструкциями, служебными словами, порядком слов и даже интонацией [Вежбицкая 1997: 6–7].

В данной статье мы попытаемся определить, какую нагрузку несут в себе грамматические и синтаксические формы, а именно выявить семантику падежных окончаний и послеложных конструкций на материале карельского языка.

Семантико-грамматический подход в исследовании языковой картины мира основан, прежде всего, на методе *этимологического анализа*. В карельском языке при рассмотрении связи грамматических форм с их семантикой и этимологией можно выявить элементы предсказуемости значений: так, например, во внутреннеместных падежах (инессиве и элативе) элемент *-s* обозначает идею места внутри чего-либо; входящий в состав окончания внешнеместных падежей (адессива, аблатива, аллатива) элемент *-l-* — идею места на поверхности чего-либо; а элемент *-päi(n)* (*-piäi*), который входит в состав окончаний элатива и

аблатива, включает в себе идею исходности действия откуда-либо, из какого-либо пространства и т. д.

Окончаниями инессива в ливвиковском наречии является *-s*, в собственно-карельском *-ssa* (*-ššA*), в людиковском *-s(š)*:

ливв.: Andilas istuu suures čupus (Essoilan küla) 'Невеста сидит в красном углу' [№ 704]; Ühtes küläs najjah (Ugmoilu) 'В одной деревне женятся' [№ 696]; Ühtes talois starikku kuoli (Korzan küla) 'В одном доме старик умер' [№ 698];

собств.-кар.: Lahnuu on miän järviššä on oikein (Oulanka) 'Лещ в наших озерах водится' [NKK 1994: 33]; Hyö elettin meilä siinä kylässä (Kiestinki) 'Они у нас жили в той деревне' [NKK 1994: 36]; Uhtuašša on aunukšilaisie, ne on tultu Aunukšesta (Калевала) 'В Ухте есть олонецкие карелы, они приехали из Олонца' [ССКГ 2009: 16];

люд.: Kodiš päččihe pandaa (Tiudia) 'Дома в печь положит' [NKK 1994: 349]; Leibät ende pästettih kodis (Kuujärvi) 'Раньше хлеб дома пекли' [NKK 1994: 442]; Sinnä Kindahas 'Там, в Киндасове' [ОЛП 1978: 51].

Древнее окончание элатива *-sta*, *-stä* состояло из общего для всех трех падежей элемента *-s* и древнего аблативного окончания *-ta* (*-tä*): <*-s-ta, *-s-tä. Отметим, что в подобном виде это окончание характерно для элатива лишь в собственно-карельском наречии:

собств.-кар.: Pohjoisešta on kakkein vilu (Oulanka) 'С севера – холодней всего (ветер)' [NKK 1994: 32]; Talvella vettä ottima avannošta (Калевала) 'Зимой воду брали из проруби' [ССКГ 2009: 16]; Hirret autolla kävimä mečästä (Калевала) 'Брёвна мы на машине вывозили из леса' [Там же: 16].

В ливвиковском и людиковском наречиях этот падеж обладает окончанием *-späi*, *-spiäi* в том случае, если речь идет о явной исходности. Современное элативное окончание *-späi* образовано путем слияния *-s*-ового внутреннеместного элемента и послелога *päin*: *-späi*<*-s+*-*päi*<*-s+**päin*, и поэтому данный падеж также называют падежом позднего послеложного образования:

ливв.: Sit Norjaspäi tuldih kaksi nuordu miestä (Essoilan küla) 'Потом из Норвегии прибыли двое молодых мужчин' [№ 704]; Oldih Priäžaspäi, Pühäjärvespäi, Anuksespäi, Vieljärvespäi (Korzan küla) 'Были из Пряжи, Святозера, Олонца, Ведлозера' [№ 697]; Külaspäi tullah (Korzan küla) 'Из деревни приехали' [№ 698];

люд.: Tuoda zavodas päi (Kuujärvi) 'Принести с завода' [NKK 1994: 396]; Silloi minä ruadospäi tulin (Tiudia) 'Тогда я с работы пришел' [NKK 1994: 354]; Postaspäi zavoditahes 'С погоста начиналось' [ОЛР 1978: 20].

Окончанием аллатива-аблатива-аллатива в говорах ливвиковского и людиковского наречий является *-l*, в собственно-карельском наречии окончание адессива *-lla* совпадает с окончанием аллатива:

ливв.: Istummo kivel (Essoilan küla) 'Сидим на камне' [№ 702/1]; Pogostal oli (Korzan küla) '(Это) случилось на погосте' [№ 698]; Vierin päčil, engo kuulluh nikedä (Korzan küla) 'Лежал на печи, никого не слышал' [№ 698];

собств.-кар.: Järvien rannoilla eletti (Kontokki) 'На берегах озера жили' [NKK 1994: 111]; Kuorilahen rannalla paremmin ajau sen kalan (Oulanka) 'На берегу Куорилахти рыба лучше идет' [NKK: 1994, 33]; Aukeilla šoilla šuuret šatiet šorti kukat hillošta (Калевала) 'На открытых болотах сильные дожди уронили цветы с морошки' [ССКГ 2009: 16];

люд.: Keiteta päčin hiilel (Tiudia) 'Варят на углях в печи' [NKK 1994: 349]; Toizel čural oli Lučanniemi 'На другой стороне озера был мыс Лучанниemi' [ОЛР 1978: 28].

В карельском языке старая форма аблатива совпала с адессивной, однако исследователи полагают, что для того чтобы отличить аблативное значение (откуда?) от инессивного (где?, на чем?), к адессивно-аблативной форме *-l* стал присоединяться послелог *päi* [Дубровина 1956: 83]. Внешнеместный падеж отделения аблатив (с окончанием на *-l*päi) встречается только в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, падежным окончанием аблатива в собственно-карельском наречии является *-lta* (*-ltä*):

ливв.: Petroskoilpäi tuldih (Korzan küla) 'Из Петрозаводска приехали' [№ 697]; D'ärvelpäi tulou (Essoilan küla) 'С озера придет' [№ 701]; Lendi l'evolpäi 'Летел с крыши' [СКЯ 1990: 182];

собств.-кар.: Lanketa huistahti stuulalta (Калевала) 'Он грохнулася со стула' [ССКГ 2009: 53]; Harakat katoilta läksi (Аконниemi) 'шум-гам (досл. сороки с крыши полетели)' [Там же: 38];

люд.: Lähtää tančilpiä (Tiudia) 'С танцев (из клуба) придут' [NKK 1994: 385]; Ku lähtet pogostalpiäin sid oli Samsuoimmägi 'Как пойдешь

от погоста, первой была гора Самсуойнмяги' [ОЛР 1978: 28], Tuli niitulpiäi huondeksel 'Пришел утром с сенокоса' [ОЛР 1978: 154].

Общий для падежей *l*-овый компонент обладал пространственной семантикой, и нынешние падежи сохранили указание на местонахождение предмета на поверхности, выхождение с поверхности и вхождение на поверхность чего-либо.

Наряду с падежными формантами своей семантикой обладают и послеложные конструкции. Семантика служебных слов, в том числе и послелогов, была изучена достаточно слабо. В 1950–60-е годы в работах исследователей финно-угорских языков можно встретить замечания о том, что *послелог* не обладают реальной семантикой. Так, например, П. С. Кудяев в своей работе пишет, что «являясь служебными словами, послелог не обладают лексическим значением, а лишь служат средством выражения различного рода отношений между членами предложения» [Кудяев 1967: 160]. Н. М. Терещенко в отношении нганасанского языка отмечает, что послелог в нем получили широкое развитие, и в предложении они передают «подчинительную зависимость входящего с ними в словосочетание имени от других слов в предложении» [Терещенко 1979: 137]. Автор указывает на то, что в нганасанском языке послелог служат для *детализации* пространственных, а также временных отношений, и каждый послелог обладает *своей конкретной семантикой*, в зависимости от лексического значения, тем самым обладая «меньшей грамматикализацией по сравнению с падежными формантами» [Терещенко 1979: 138], что, на наш взгляд, можно наблюдать и в карельском языке.

Как полагают исследователи, послелог в финно-угорских языках образуются чаще всего из падежных форм существительных. Рихо Грюнталь приводит свою иерархию заимствования послелогов из других классов слов: имя > прилагательное > глагол > наречие > послелог (предлог) [Grünthal 2003: 53]. Послелог, имеющие чисто пространственную семантику, как правило, происходят от знаменательных слов пространственной семантики и указывают на пространство (место и направление), имея значения — *над, под, за, рядом, ниже, около* и т. д.

Значение послелога «более четко семантизировано», чем падежное значение, ведь семантика локальных падежей достаточно конкретна и не имеет большого многообразия [Ширяева 1951: 5]. Так,

например, конструкции, обладающие пространственным значением, отвечают на вопросы: *где, куда, откуда, каким путем, до какого уровня* и т. д. Послелог конкретизирует значение конструкции, дополняет его семантику, направленность действия. Многие послелогии в конструкциях приобретают несколько значений, которые ясны из контекста, напоминая в этом отношении однозначную лексику с несколькими значениями и, таким образом, свидетельствуя о былой связи с нею. И если падежные форманты могут указать на нахождение предмета внутри или вне локума (предмета, обозначающего функцию ориентира), обозначая некую двухмерность, то послеложные конструкции конкретизируют более подробно местонахождение в пространстве. Они могут не только указывать на *местонахождение* предмета (*над, под, рядом, внутри*):

ливв.: Kiven *al* kirguw, aitan *al* ambuw (Sammatus) 'Под камнем поскрипывает, *под* амбаром постреливает' [ОКР 1969: 64]; *люд.*: Kodvan rüögüü zirkalon *edes* 'Долго *перед* зеркалом кружится' [ЛТ, III: 77], но и описывают *траекторию движения* предмета в пространстве, могут указывать на:

1) *направление действия куда-либо*: *ливв.*: Sit pannah nagristu päčün *edeh* [NKK 1994: 281] 'Затем кладут репу *перед* печью (в печь)'; *собств.-кар.*: Tule minun *eteh* (Pistoj.) 'Встань *передо* мной' [KKS, I: 133];

2) *направление действия из чего-либо, откуда-либо*: *ливв.*: Ota stuulu stolan *alpäi* (Kukoinvuaru) 'Возьми стул *из-под* стола';

3) *передвижение действия по чему-либо*: *ливв.*: Ajua järven *rewnači* 'Ехать *вдоль* [берега] озера' [СКЯ 1990: 303]; *собств.-кар.*: Kylus Mat't'izen *siiritši* (Mäntys.) 'Мимо деревни Маттинен' [KKS, V: 367]; Koin *bokači* kaivettih oja 'Вдоль стены дома прорыли канаву' [СКЯ 1990: 27].

Послелогии, входящие в конструкции с пространственным значением и обладающие пространственной семантикой, как правило, восходят к существительным, обозначающим некое пространство: напр., *al, alla* 'под' <*ala* <**alak* [SSA, I: 66] 'нижняя часть, находящийся внизу, нижний и т. д.', *tagua* 'за' <*taka* <**taḡak(-)* [SSA, III: 257] 'задняя часть, находящийся внизу, задний', но могут восходить и к существительным, которые обозначают части тела человека, напр., *piäl* 'над' (ср. кар. *piä* 'голова'), *ginnal* 'рядом, около' (ср. кар. *gindu, rinta* 'грудь'), *korval* 'около' (ср. кар. *korva, korvu* 'ухо') и т. д.

К послелогам, образованным от основ, обозначающих в языке пространство, можно отнести следующую серию:

al (*ual*) 'под (чем-то)', *alači* 'под, рядом', *alle* 'под (куда)', *alpäi* 'из-под'. Этимологически данные послелогии образованы от основы *ala-*, обозначающей 'нижний, находящийся внизу' [SSA, I: 66: Häkkinen 1990]. В карельском языке существует адессивная форма послелога *alla* (*al*), пролативная *alači*, аллативная *alle*, аблативная *alpäi* формы. Послелогии с названной древней основой встречаются и в дальнородственных, и в близкородственных финно-угорских языках; они широко употребительны и в карельских наречиях, напр.:

al 'под (чем-то)': *ливв.*: Kiven *al* kirguw, aitan *al* ambuw (Sammatus) 'Под камнем поскрипывает, *nod* амбаром постреливает' [ОКР 1969: 64]; Meijän kaivo ikkunan *ual* oli (Kiiškoinniemi) 'Под окном был наш колодец'; Heijän koin *ual* oli škola (Kožuri) 'Ниже их дома (досл. *nod*) находилась школа'; *люд.*: Lat't'an *al* on karžin 'Под полом находится заkut'; Mäne stolan *al!* 'Иди *nod* стол!' [Kujola 1944: 7]; potokan *alle* panelti 'положили *nod* стрехой' [LT, I: 307]; *собств.-кар.*: ruun *alla* 'nod деревом', pane skuarin *alla* 'положи *nod* шкаф', Ikkunan *alta* kuulu ääni 'Под окном слышался голос' [КРС 1999: 10–11]; Mäne lautšan *alle* (Valdai) 'Иди *nod* лавку' [KKS, I: 43];

alači 'под, рядом': *ливв.*: Ajaw suarin ikkoin *alači* (Rubčoilan külä) 'Едет *nod* царскими окнами' [№ 710]; Ikkunan *alači* kenliene viuhkahtih (Kukoinvuaru) 'Под окнами кто-то быстро прошел'; Tämän *alači* on pandu (sovati) (Utjärvi) 'Что-то *nod* этим надето';

alle 'под (куда)': *ливв.*: Mudamuahužian *alle* kaimaltu (Piži) 'В черную землю (досл. *nod* землю) навсегда ты провожен' [ОКР 1969: 90]; Mi on stolan *alle?* (Nuožarvi) 'Что *nod* столом?';

alpäi 'из-под': *ливв.*: Ota stuulu stolan *alpäi* (Kukoinvuaru) 'Возьми стул *из-под* стола'; Huondeksel, konzu pertit vie ei olla lämmitettü, ei himota ozuttua neniä odd'ualan *ualpäi* 'Утром, пока в комнате еще холодно, не хочется нос высовывать *из-под* одеяла'.

Данная группа послелогов описывает местонахождение или движение предмета вниз. Семантика данных послелогов зависит напрямую от основы, к которой они восходят. Этимология в данном случае напрямую связана с семантикой.

В карельском языке также есть группа послелогов, образованных от застывших именных форм, которые обозначали части тела челове-

ка или животного: *rinnal, rinnale, rinnoin, rinnoičči (rinnačči), rinnai* 'рядом' (ср. кар. *rindu*, финск. *rinta*, вепс. *rind* 'грудь'); *korvah* 'к', *korvas (korvažis)* 'около, у, от' (ср. кар. *korvu*, финск. *korva*, вепс. *korv* 'ухо'); *kyllel* 'у, перед', *kylles* 'у', *kyliči* 'у, около, мимо чего-то' (ср. кар. *külgi* 'бок', ср. финск. *kylki* 'бок', *kylkiluu* 'ребро', вепс. *kül'g, külg* 'ребро') и т. д. Большая часть данных послелогов обладает пространственным значением, а именно обозначает нахождение вблизи, рядом. К подобным послелогам можно отнести:

korvah 'к', *korvas (korvažis)* 'около, у, от'. По своему происхождению данная иллативная *korvah* и инессивная *korvas* формы послелогов связаны с именем существительным, основное значение которого в современных прибалтийско-финских языках 'ухо' (ср. финск. *korva*, вепс. *korv*). Однако, как полагают, первоначальное его значение могло и не иметь отношения к частям тела и могло иметь значение 'лист', которое и сейчас является соответствием лексеме *korva* 'ухо' в пермских языках [Ojutkangas 2001: 194]. С другой стороны, известный финский лапполог П. Саммаллахти объединяет данную основу с самодийской *kâv, обладающей также значением 'ухо'. И в этой связи значение 'лист' можно считать уже вторичным [Sammallahti 1988: 488, 538]:

korvah 'к': *ливв.*: Маšinal ajoin ÜI'I'öžen sillan *korvah* 'На машине я подъехал к мосту Верховья' [СКЯ 1990: 154]; Linnan *korvah* tytöt parembi mennäh miehel kui dereynäh (Säämäj.) 'Девушки лучше за городских замуж пойдут, нежели за деревенских (досл. у города)' [KKS, II: 336]; *собств.-кар.*: Veräjän *korvah* 'К калитке', Juossa sillan *korvah* 'Прибежать к мосту' [КРС 1999: 65]; Vietih šillah *korvah* (Jyskyj.) 'Отвели к мосту' [KKS, II: 336];

korvas (korvažis) 'около, у, от': *ливв.*: Eliä dorogan *korvas* 'Жить около дороги'; Hallot ollah koin *korvas* 'Дрова возле дома'; Kijovan kirikõn *korvažis* tuldih nemme lindužet 'От киевской церкви прилетели сюда эти пташечки' [СКЯ 1990: 154]; Sillan *korvaz* on tšasounaine (Nek.-Riip.) 'У моста стоит часовенька' [KKS, II: 336]; *люд.*: Keskel küläs šildan *korvass* eläü mužikkä 'В центре деревни, у моста живет мужчина' [ЛТ, III 1964: 50]; *собств.-кар.*: Heijän talo on sillan *korvassa* 'Их дом стоит около моста' [КРС 1999: 65]; Heän ikkunan *korvašš* ištu (Paatene) 'Он у окна сидит'; Sillan *korvall* eläy starikka (Paatene) 'У моста живет старик' [KKS, II: 336].

Процесс грамматикализации имен существительных, обозначающих части тела, и, как следствие, превращение их в послелогои является достаточно распространенным явлением во всех прибалтийско-финских языках. Данное явление провоцируется аналитическим строем языка, при котором слово, находящееся в постпозиции, постепенно утрачивает свое первоначальное лексическое значение и подвергается частичной или полной грамматикализации.

Безусловно, семантика послелога наиболее полно и точно определяется в конструкции, в которую входит послелог. Тем не менее грамматические формы и синтаксические конструкции несут в себе семантическую нагрузку. Опираясь на метод этимологического анализа, мы попытались определить семантику отдельных пространственных послелогов, а также подчеркнуть идею о прочной связи семантики и грамматики на примере грамматических и синтаксических конструкций карельского языка.

Литература

Вежбицкая 1997 – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: «Русские словари», 1997. 416 с.

Кудаев 1967 – Кудаев П. С. К вопросу о послелогах в мордовских языках // Вопросы мордовского языка. Саранск, 1967. Вып. XXXII. С. 160–177.

Терещенко 1979 – Терещенко Н. М. О природе служебных слов в нганасанском языке // Вопросы финно-угорской филологии. Сыктывкар, 1979. С. 137–152.

Ширияева 1951 – Ширияева Т. И. Развитие предлогов и послелогов финского языка в историческом плане (рукопись: Ф-1, оп. 43, № 200). Петрозаводск, 1951. 54 с.

Grünthal 2003 – Grünthal R. Finnic adpositions and cases in change. Helsinki: SUS 244, 2003. 235 с.

Häkkinen 1990 – Häkkinen K. Mistä sanat tulevat. Suomalaista etymologiaa. Helsinki: SKS. Tietolipas 117, 1990. 326 с.

Ojutkangas 2001 – Ojutkangas K. Ruumiinosannimien kieliopillistuminen suomessa ja virossa. Helsinki: SKS 845, 2001. 288 с.

Kujola 1944 – Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 с.

Sammallahti 1988 – Sammallahti P. Historical phonology of Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric, and Permic: The Uralic languages. Description, history and foreign influences. E. J. Brill. Leiden. 1988. С. 478, 538.

Список источников

КРС 1999 – Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты). Karjalais-venäläini sanakirja (pohjois-karjalaiset murteet). Petroskoi: Periodika, 1999. 216 с.

ОКР 1969 – Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи (говоры ливвиковского диалекта карельского языка). Л.: Наука, 1969. 283 с.

ОЛР 1978 – Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.

СКЯ 1990 – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Под ред. Г. Н. Макарова. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

ССКГ 2009 – Словарь собственно-карельских говоров. Петрозаводск. 2009. 349 с.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 968. 576 с.; II – 1974. 591 с.; III – 1983. 584 с.; IV – 1993. 610 с.; V – 1997. 634 с.; VI – 2005. 782 с.

LT I – Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: SUS 129, 1963. 453 с.

LT II – Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: SUS 130, 1963. 419 с.

LT III – Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III – LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 с.

NKK 1994 – Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи). Joensuu – Петрозаводск. 1994. 455 с.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, I – 1992. 486 с.; II – 1995. 470 с.; III – 2000. 503 с.

Н. А. Пеллинен

Применение метода тематического описания лексики при анализе метафорических замен термина «ребенок» в карельской колыбельной песне

В колыбельной песне представлена особая картина мира, где ребенок – тот центр, вокруг и для которого всё происходит [Лойтер 2001: 21]. Образ ребенка, непосредственного адресата рассматриваемого жанра «поэзии пестования», передан в колыбельной песне множеством метафорических замен (далее – МЗ) или иносказательных наименований. Следует пояснить, что во избежание действия злых сил имя ребенка, как и степень его родства с пестуньей, в традиционной культуре не употреблялись, на них накладывалось табу. Этот негласный закон действовал и в отношении других участников семейных обрядов и наиболее ярко отразился в языке карельских причитаний, что позволяет в некоторых случаях сопоставить идентичные иносказания в двух жанрах и сделать важные выводы о синкретизме мышления карелов, их духовной жизни. Состояние младенца, как и покойного, в традиционной культуре осмысливается как переходное. Под переходным статусом ребенка в данном случае подразумевается не только смена бодрствования сном, но и мифологическая связь младенца с потусторонним миром, откуда, по народным представлениям, он явился.

Метод тематического описания лексики представляется наиболее приемлемым для анализа более 60 зафиксированных автором метафорических замен термина «ребенок».

Вообще предпринятое исследование языка карельской колыбельной песни на четырех уровнях (фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом) подразумевает комплексную методику изучения языка фольклорного произведения. Исследования в области лингвофольклористики подразумевают «выявление места и функции языковой структуры в структуре фольклорного произведения», при этом оправданно одновременное использование лингвистических и фольклористических методов [Хроленко 2008: 15].

Широко применяемый в классической лексикологии метод тематического описания лексики является лингвистическим, поэтому он успешно применим также в отношении языка фольклора, в частности, при обращении к лексико-семантическому уровню карельской колыбельной песни.

Тематические группы слов представляют собой объединения лексем на основе классификации обозначаемых ими предметов или явлений. Теоретически лексика любого языка может быть разделена на тематические группы. При делении на тематические группы обычно не принимаются во внимание действующие в языке закономерности и правила развития значения слов, на классификацию влияет только «уровень познавательной деятельности народа: что ему известно и отразилось в его языке, а что неизвестно» [Тарланов 1995: 61]. Другими словами, главным дифференцирующим принципом при объединении слов в тематические группы являются внешние отношения между понятиями [Филин 1982: 230].

Очевидно, что деление на тематические группы условно и призвано служить определенным целям исследования. Например, выявленные в карельской колыбельной песне МЗ дифференцированы приведенным ниже способом для многоаспектного осмысления природы колыбельной.

1. МЗ – сопоставление ребенка с птицами.

<i>Uinuo, uinuo, linduine,</i>	Усни, усни, <i>птичка,</i>
<i>Uinuo, muamoin kanoine...</i>	Усни, мамина <i>курочка...</i>

Данная группа представлена наибольшим числом МЗ (*alli* 'утка-морянка', *kukkoni* 'петушок', *lempilintuni* 'любимая птичка', *linnun lennätin* 'птичье крыло', *linnunpoika* 'птенец', *nurmilintu* 'луговая птица', *sulkani* 'перышко', *peipponi* 'зяблик', *utuva* 'пух', *väistärikki* 'трясогузка' и др.).

В. Н. Васильев, исследовав названия птиц в марийском языке, пришел к выводу, что при их номинации важную роль играют противопоставление по размерам тела и внешность [Васильев 1982: 102]. Возможно, данный принцип лежал и в основе рождения иносказательных обозначений ребенка в карельской колыбельной. По мнению этнолога И. Ю. Винокуровой, связь птиц с небом и близость их к Богу способствовали развитию представлений о них как о чистых, хрупких и беспомощных созданиях; этим птицы походят на детей [Винокурова 1998: 51]. Вообще отождествление младенца с образом птицы имеет глубокие

мифологические корни. По народным представлениям, душа умершего ребенка становится маленькой птицей, чем вызваны запреты убивать птиц, а также разорять их гнезда.

Отметим, что в языке карельских причитаний такие метафоры и производные от них, как *alli* 'морянка', *kanani* 'курочка', *lintu* 'птица', *sorsa* 'утка' и др., применимы лишь при обращении к дочери [Степанова 2004: 33]. Обращение к сыну в карельских плачах представлено «птичьим» иносказанием *kukko* 'петух', а также некоторыми другими: *omena* 'яблоко', *sauvan varsi* 'трость' и др. [Степанова 2004: 35]. Поскольку плачи и колыбельные песни имеют общую природу, тот же самый закон гендерной дифференциации МЗ, вероятно, действовал и в более древних колыбельных. Однако в записанных в XIX–XX вв. карельских колыбельных песнях МЗ уже не несут в себе строгой половой идентификации ребенка.

2. МЗ – характеристика ребенка по внешним физическим признакам.

Riempä iluo pienelläni,	Веселю моего маленького,
Šoitän hoikkašormellani.	Играю своему тонкопалому.

Другие лексемы этой группы: *kierosuu* 'криворотик', *kuukolkka* 'куколка', *maitosuu* 'молокосос', *piimäleuka* 'подбородок в простокваше', *tukkapiä lapsi* 'ребенок с волосами на голове' (МЗ термина «дочь»), *varpahat* 'пальцы ног' и т. д. При создании иносказаний этой группы сознание матери выносит на первый план характерные внешние признаки младенца.

С точки зрения грамматической структуры, иносказания данного типа наиболее интересны, поскольку большинство лексем представляют собой сложное слово: *hoikka* + *sormi* ('тонкий' + 'палец', 'тонкопалый'), *kiero* + *suu* ('кривой' + 'рот', 'криворотик'), *maito* + *suu* ('молоко' + 'рот', 'молокосос'), *pieni/pikku* + *sormi* ('маленький' + 'палец'), *piimä* + *leuka* ('простокваша' + 'подбородок', 'подбородок в простокваше'), *tukka* + *piä* ('волосы' + 'голова', 'волосыная голова') и т. д. Определяющий компонент в таких конструкциях выражен прилагательным или существительным в значении прилагательного, опорное (т. е. определяемое) слово – существительным.

Вообще в языке способ словообразования, представленный лексемами этой группы, очень продуктивен, но использование МЗ, образованных за счет сложения основ, в традиционной колыбельной песне несколько ограничено метрикой произведений рассматриваемого жанра, представляющей собой восьмистопный хорей.

3. МЗ – соотнесение с растительным миром.

Älä itke, <i>idoizeni</i> ,	Не плачь, <i>росточек</i> ,
Huomei lähtemmö Seppäläh.	Завтра отправимся в Сеппяля.

Другие примеры «растительной» лексики: (*mehiläizen kukka* 'медовый) цветок', *kultani omenani* 'мое золотое яблоко', *tuomen kukka* 'цветок черемухи' (МЗ, встречающаяся в смертных колыбельных, т. е. в таких, где к ребенку призывается смерть), *uvelmoine* 'росточек' (распространенное в речи обращение к ребенку) и др.

Наличие МЗ этой группы указывает на особенность синкретического мышления человека, осознававшего себя частью природы. Вероятно, в древних текстах колыбельных иносказания, построенные на сопоставлениях с растительным миром, в отношении ребенка были более распространены, поэтому привлечение большего числа текстов колыбельных расширит рассматриваемую группу другими иносказаниями. Так, например, в текстах колыбельных финляндской Карелии встречаются такие МЗ термина «ребенок» названной тематической группы, как: *kesäheinä hempukkaine* 'летняя трава любимая', *marjuein* 'ягодка', *mesimarja mantsikkaine* 'медовая ягода земляничка/клубничка', *rapusein* 'бобочек', *punaine marja* 'красная ягода', *puola* 'брусника' и др. [Reima 1953: 155].

4. МЗ – этнографизмы.

Tuuti, tuuti, lapsuttani,	Туути, туути, ребеночка,
Lapsuttani, pienuttani,	Ребеночка, маленького,
Kullaista omenoani,	Золотое яблочко,
<i>Hopijaista sauvav vartta.</i>	<i>Серебряную трость.</i>

МЗ *hopijaini sauvan varsi* 'серебряная трость', вероятно, символизирует опору для родителей в старости.

Примеры других МЗ этой группы:

liinapaita 'льняная рубашка', МЗ отражает особенности материальной культуры карелов: речь идет о рубашках из домотканого льняного холста, которые надевали и на детей;

kassapiä 'голова с косой', МЗ содержит социально-половые установки для дочери;

paikkapiä lapsi 'ребенок с повязанной платком головой', МЗ термина «дочка», иносказание связано, вероятно, с традицией ношения женщиной головного убора. Так, Е. И. Клементьев отмечает, что «головные уборы девушек состояли из ленты, повязки, платка, у замужних – повойника или сороки и платка» [Клементьев 2008:

120], в этом случае с помощью МЗ словно репрезентируется будущий статус для дочери;

vakahaini, vagahaine, букв. 'находящийся в коробе', МЗ объясняется тем, что до шестинедельного возраста ребенок у карелов спал в изготовленном из дранки коробе, наименование которого «vakka» [Kulonen 2000: 395] и т. д.

5. МЗ, отражающие кровную связь матери и ребенка.

<i>Magoo, magoo, maksazeni,</i>	Спи, спи, <i>моя печёночка</i> ,
<i>Uinoo, uinoo, udrazeni.</i>	Усни, усни, <i>моя бедняжка</i> .

МЗ, представляющие эту тематику, вероятно, наиболее древние. Вызывают интерес сложные МЗ *kahen reijen reikutettu* 'четырьмя бедрами выколыханный', *kannettuini* '(мною) выношенный', *nännin imijä* 'сосущий грудь', *turkin soatu* 'мехом полученный' и др., иносказательно указывающие на зачатие, рождение и грудное вскармливание ребенка. Это пока некоторые из немногих зафиксированных в исследовании примеров замен, метафорическое сходство которых основано на ассоциации по функции (т. е. семантическое ядро иносказания содержит в себе функциональный признак).

Таким образом, тематические группы могут быть представлены не только МЗ, выраженными именами существительными и прилагательными, но также причастиями.

6. МЗ – характеристика ребенка по поведению.

<i>Onko lasta kättyessä (...)</i>	В колыбели ли младенец (...)
<i>Hullu hurstin hulvan alla?</i>	<i>Несмышленный</i> под кромкой холста?

К этой группе можно отнести также МЗ *sugeine* 'сорванец' (букв. 'зародыш'), *unetoin* 'бессонный', *vakavaini* 'спокойненький' и др.

Некоторые МЗ данной тематической группы можно рассматривать как установки для ребенка, а не в качестве непосредственной характеристики его поведения. Так, МЗ *vakavaini* 'спокойненький', вероятно, связан с мифологической верой в силу слова и отражает принцип «как спою, так и будет». Используя данное иносказание, пестунья словно пытается воздействовать на сознание беспокойного и плаксивого ребенка.

7. МЗ – отражение педагогических воззрений.

<i>A-a, a-a, ainoi lastu,</i>	<i>A-a, a-a, единственное дитя,</i>
<i>A-a, a-a, kuldaistugo!</i>	<i>A-a, a-a, золотце!</i>

МЗ этой группы весьма частотны в текстах карельских колыбельных песен, например: *ihanut* 'прекрасненький', *mainomaini* 'чудесный',

otani 'мой', *pun'u*, *pun'ušte* (ласковое обращение к ребенку, слово означает что-либо маленькое и круглое), *pieni*, *pienut* 'маленький', *pienokkaini* 'малыш', *pikkaraini*, *pikkaraine*, *pikku* 'маленький'.

Выделение последних примеров в отдельную группу может быть и оспорено. Возможно, лексема *pieni* 'маленький' могла бы быть отнесена к тематической группе «характеристика ребенка по внешним физическим признакам». Однако такая дифференциация наименований ребенка несколько ограничивает выводимый автором аспект изучения карельской колыбельной песни. Очевидно, нежность языка колыбельной песни напрямую связана с особенностями воспитания в карельской семье: ласка, доброта, снисходительность были в основе воспитания младших детей [Илюха 2007: 74]. Таким образом, лексема *pieni* 'маленький', по мнению автора, семантически мотивирована принципами воспитания карелов, а не внешними данными младенца.

Отдельно следует сказать о проблеме дифференциации обращений к ребенку, являющихся заимствованиями из русского языка. Следующему тексту предшествует пояснение информанта о том, что песня исполнялась для дочери:

<i>Pai, pai, tievuskoon'</i> ,	Баю, баю, мою <i>девушку</i> ,
<i>Ani, ani, malčëikkoon'</i> ...	Ани, ани, моего <i>мальчика</i> ...

Несмотря на то, что заимствованные из русского языка слова в этом примере семантически не соответствуют содержанию колыбельной песни, их, вероятно, можно считать МЗ, поскольку правило иноязычного именования младенца в данном случае выполнено. По всей видимости, подобные семантические несоответствия могли появиться в колыбельной песне из-за плохого знания пестуней русского языка, а также ее желанья разнообразить тексты новыми обращениями к ребенку. С помощью средств другого, малопонятного языка, в данном случае русского, становится возможным избежать прямой номинации ребенка. Приведенные примеры МЗ, однако, не относятся ни к одной из семи рассмотренных ранее тематических групп.

Тематическое описание лексем, представляющих собой метафорические замены термина «ребенок» в карельской колыбельной песне, позволяет сделать важные выводы не только об отношении воспитателя к младенцу, но и о мировоззрении карелов в целом. Так, МЗ, содержащие лексику, связанную с миром птиц и флорой, иллюстрируют синкретизм мышления пестуни. Встречающиеся в карельских колыбельных этнографизмы содержат сведения о семейном этикете и материальной культуре

карелов. МЗ, характеризующие ребенка по внешним физическим признакам, а также отражающие кровную связь матери и ребенка, любопытны с точки зрения рождения образа; интересно проследить, как конкретные действия младенца или пестуны, а также физические признаки ребенка порождают образы, с помощью которых воспитатель оберегает младенца от злых сил. МЗ, отражающие педагогические воззрения карелов, иллюстрируют манеру воспитания в карельской семье. Таким образом, анализ, осуществленный с помощью метода тематического описания лексики, подтверждает мнение исследователей о том, что колыбельная песня обладает функциями усыпления, защиты, а также прогностической и эпистемологической, что позволяет считать карельскую колыбельную песню полифункциональным жанром фольклора [Головин 2000: 14].

Литература

Васильев 1982 – Васильев В. Н. Названия птиц в марийском языке // Советское финно-угроведение. Тарту: Периодика, 1982. Вып. 2. С. 101–104.

Винокурова 1998 – Винокурова И. Ю. Пернатое царство в мифологических представлениях вепсов // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1998. № 10. С. 49–58.

Головин 2000 – Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Äbo, 2000. 451 с.

Илюха 2007 – Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. 304 с.

Клементьев 2008 – Клементьев Е. И. Карелы. Историко-этнографический очерк / Серия: *Biblioteka Fenno-Ugrika*. Петрозаводск: Периодика, 2008. 256 с.

Лойтер 2001 – Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.

Степанова 2004 – Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.

Тарланов 1995 – Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 192 с.

Филин 1982 – Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.

Хроленко 2008 – Хроленко А. Т. Листая годы и страницы: Сб. научных статей. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. 232 с.

Reima 1953 – Reima, Annaliisa. Karjalaisista kehtolauluista // *Kalevalaseuran vuosikirja* 33/1953. S. 150–160.

Kulonen 2000 – Kulonen U. M. (päätoimittaja). Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3 osa. Helsinki. 2000.

А. С. Ляшок

Детство как предмет исследований культурной антропологии¹

В настоящее время исследователями признается, что осмысление детства невозможно осуществлять в рамках только одной науки, к примеру, педагогики или психологии. Вся сложность феномена детства, его проявлений в культурах и обществах разных времен направляет ученых к междисциплинарному диалогу и накоплению знаний о нем с позиций социально-философского, культурологического и исторического анализа.

По мнению И. С. Кона, впервые именно Ф. Арьес, французский демограф и историк, в своем труде «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» конкретно показал, что «детство — не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание» [Кон 1988; Арьес 1999].

Цель данной статьи состоит в попытке описать сущность и возможности *культурно-антропологического подхода к исследованию феномена детства*. Так, А. А. Белик отмечает, что в рамках культурной антропологии детство рассматривается как этап вхождения и усвоения локальной культуры, в которую погружен ребенок. Описывая такое видение феномена детства, исследователь выделяет две стороны вышеуказанного процесса: социализацию как общий процесс овладения культурным типом жизнедеятельности, в результате которого человек приобретает отличие от остального мира живого, и «энкультурацию» как процесс становления в конкретной этнокультурной среде личности, демонстрирующей различия между представителями различных культур [Белик 2009: 204].

Аналогичный подход к пониманию детства формулирует Э. А. Орлова, также выделяя понятия «социализации» и «инкультурации», но если первое — это освоение социальных норм, то второе — освоение традици-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, "детские тексты"», проект № 11-01-00345а.

онных способов мышления и действий, составляющих культуру. При этом детство, по мнению Э. А. Орловой, следует понимать как период культурного приготовления человека к полноценной жизни, в результате которого индивид, готовящийся к взрослой жизни, должен овладеть достаточными культурными знаниями и социальным опытом через участие в различных социокультурных группах и знакомство с различными культурными кодами (наукой, искусством, правом, политикой, религией). Также Э. А. Орлова в изучении детства выделяет три основных акцента: ребенок как «объект» социализации и инкультурации; ребенок как «субъект» в отношениях с другими; культура с позиции детского опыта (изменение культурных образцов при их освоении в детстве и дальнейшем использовании во взрослом возрасте) [Орлова 2004: 240].

В настоящее время выделяют также понятие «этнология детства» как совокупность знаний о детстве как феномене культуры. Так, А. А. Белик отмечает, что в исследовательское поле «этнологии детства» входит: изучение детства в традиционных и современных культурах; изучение процессов воспроизводства в материальной и духовной сферах; анализ способов вхождения в культуру и различных видов социализации детей. В структуре «этнологии детства» выделяют ряд подходов. Так, с точки зрения метода исследования детства имеются: традиционно-этнографический, социологический и психологический подходы. С точки зрения предмета исследования подходы структурируются на изучение и анализ игр, труда, обучения детей в условиях различных культур, а также их коммуникативной деятельности [Белик 1998: 112; Белик 2001: 70].

Первыми самостоятельными этнографическими исследованиями детей в различных культурах научным сообществом признаются исследования культурного антрополога Маргарет Мид. Современный отечественный ученый в области теории культуры С. Н. Иконникова отмечает, что на основе этнологических исследований в традиционных культурах М. Мид обосновала культурологию детства как специальную отрасль научного знания [Иконникова 2005: 352].

Значимость этнографических исследований М. Мид заключается в том, что описывая и теоретически анализируя экзотические нравы далеких народов, она доказывает, что именно культурные традиции, развиваясь по собственным законам, определяют содержание детства: «В любом обществе ребенок рождается с некоторыми универсальными биологическими предпосылками (беспомощность, зависимость от

взрослых, особенности пола и темперамента), но каждая культура использует эти «ключи» по-своему» [Кон 1988: 15].

На основании того, как происходит процесс обучения детей, М. Мид выделяет «learning cultures» (культуры, в которой дети обучаются в основном практически, на собственном опыте, но под руководством старших) и «teaching cultures» (культуры, где существуют специализированные институты обучения детей) [Мид 1988: 400].

Новаторство М. Мид заключалось и в методах исследования: использование непосредственного включенного наблюдения за жизнью и воспитанием детей, систематическое изучение детских рисунков и игр, а также применение кино- и фотокамеры для детального фиксирования поведения и коммуникации ребенка.

Основные идеи М. Мид о феномене детства нашли отражение в следующих работах: «Coming of Age in Samoa» («Взросление на Самоа» 1928 г.); «Growing Up in New Guinea: A Comparative Study of Primitive Education» («Как растут на Новой Гвинее. Сравнительное исследование примитивного воспитания» 1930 г.); «The School in American Culture» («Школа в американской культуре» 1951 г.); «Childhood in Contemporary Culture» («Детство в современных культурах» 1955 г.); «Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap» («Культура и преемственность. Изучение конфликта поколений» 1970 г.).

В работе «Взросление на Самоа» М. Мид приводит результаты ежедневного проникновения в повседневные практики самоанских девочек и девушек. В частности, она преследовала цель показать самоанку в ее социальном окружении, описать течение ее жизни, понять проблемы, которые предстают перед ней. В результате исследования М. Мид пришла к выводу, что теория Стэнли Холла, содержащая предположение о доминирующей значимости пубертатного периода в объяснении неизбежной конфликтности подросткового возраста, не применима к самоанским детям. В период полового созревания эти дети не демонстрировали таких трудностей, какие наблюдались у американских подростков. И причину этого, по мнению М. Мид, стоило искать в различии социокультурных сред, в которые были погружены подростки [Мид 1988: 149].

В работе «Как растут на Новой Гвинее» М. Мид приводит подробное описание воспитания, поведения и психологии детей племени манус. В разделе под названием «Воспитание в раннем детстве» она

отмечает свойственные данной культуре обязательные первоначальные знания, которыми должны овладеть все маленькие дети для успешного включения в жизнь племени. В частности, эти области знаний получили такие названия, как «понимание дома», «понимание огня», «понимание каноэ», «понимание моря».

В работе «Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями» М. Мид рассматривает в качестве носителей культуры три поколения и на основании их взаимодействия выделяет три типа культур: постфигуративную (дети перенимают опыт предшествующих поколений, и прошлое взрослых становится будущим детей), кофигуративную (дети и взрослые учатся у своих современников) и префигуративную (взрослые учатся у своих детей) [Мид 1988: 322].

Таким образом, М. Мид внесла существенный вклад в изучение феномена детства, научно обосновав, что период детства у представителей разных культур протекает неодинаково, указав на значимость социокультурных факторов в формировании содержания детства в культуре конкретного общества.

Исследование феномена детства нашло отражение также в работах культурного антрополога первой половины XX века Рут Бенедикт, принадлежащей к этнопсихологическому направлению «Культура-и-личность» американской антропологии. К числу главных работ Р. Бенедикт относят: «Модели культуры» (1934 г.), «Хризантема и меч. Модели японской культуры» (1946 г.). Так, в труде «Модели культуры» исследовательница предприняла попытку синтезировать антропологический, социологический и психологический подходы к феномену культуры. В научных дискуссиях она отстаивала культурно-релятивистский принцип, согласно которому каждое явление культуры может быть адекватно понято только в общем контексте данной культуры [Бенедикт 2004: 250].

Рут Бенедикт разработала технику дистанционного изучения культуры. В частности, на основании анализа научной и художественной литературы, дневников военнопленных, просмотра японских кинофильмов, интервьюирования проживающих в США японцев она собрала богатый материал об особенностях японской культуры, отразившийся в последующем в книге «Хризантема и меч. Модели японской культуры». Именно в этой работе через описание японских традиций воспитания детей в семье и нашли свое отражение взгляды Р. Бенедикт на феномен детства.

Так, в главе «Ребенок учится» исследовательница сравнивает американский и японский стиль воспитания детей, отмечая их различие в понимании детства как периода жизни человека. Р. Бенедикт приходит к выводу, что траектория жизни в Японии противоположна той, которая характерна для США. В Японии жизнь представляет собой «U-образную кривую». Детство олицетворяет нисходящую кривую и характеризуется тем, что дети в данном обществе пользуются максимальной свободой и вседозволенностью. Однако ограничения для детей возрастают по мере их приближения к нижней линии кривой, олицетворяющей взрослость и зрелость (вступление в брак и начало семейной жизни). Но постепенно кривая вновь поднимается, и по достижении шестидесятилетнего возраста мужчины и женщины в японской культуре вновь приобретают право свободы, которое когда-то имели в детстве. Таким образом, для японцев детство и старость – это «свободные зоны», а взрослость – период максимальных ограничений. Совершенно по-иному детство мыслится в США. Жизненная траектория здесь перевернута наоборот. В отношении ребенка применяются жесткие дисциплинарные методы воспитания, но по мере взросления они ослабевают. Взрослость становится периодом наибольшей свободы и инициативы [Бенедикт 2004: 177].

Р. Бенедикт подробно описывает особенности повседневной жизни детей в японской семье: значимость рождения ребенка для японских родителей, практики ухода за ребенком, роль матери, отца, старшего поколения, друзей семьи в воспитании детей. Исследовательница описывает также различия воспитания мальчиков и девочек, вскрывая глубинные смыслы, заложенные самой японской культурой.

Ценность исследования Р. Бенедикт состоит в том, что оно демонстрирует возможности примененного исследовательницей методического инструментария для изучения и понимания локальной культуры, а также показывает, как начиная с детства личность впитывает культуру своего общества.

Этнографический подход к изучению детства отразился в работах и других ученых. Так, революция в изучении детского фольклора началась в 50-х гг., когда английские фольклористы Айона и Питер Опи опубликовали книгу «Фольклор и язык школьников», в которой были зафиксированы фольклорные сюжеты и игры десятков тысяч школьников Англии, Шотландии и Уэльса. Следом в 60-е гг. в разных стра-

нах начались активная запись и изучение детских шуток и анекдотов, традиционных детских шалостей [Кон 1988: 62].

Применение этнографического метода к исследованию детства отразилось также в работах Дональда Ратклиффа, реализовавшего исследование, посвященное ритуалам в школьных коридорах. В основу его работы легла идея о том, что школьный коридор является промежуточным пространством между двумя культурами: «school culture» (культура, локализованная в пространстве школьных кабинетов, учебных комнатах) и «peer culture» или «child culture» (культура, локализованная в пространстве игровых площадок детей, вне школы). Сделав видеозапись действий в школьном коридоре, а также проведя интервью со школьниками, он пытался найти ответы на такие вопросы: что вообще происходит в школьных коридорах, по каким формальным и неформальным правилам организуется движение детей в этом пространстве, какими смыслами наделяются эти движения. В итоге выделил три ключевые группы ритуалов — церемоний в школьных коридорах («the school line», «the phalanx and cluster», «individual rituals — ritual insults, resistance rituals, rituals denoting affection») и их смысловую вариативность в зависимости от гендера, этнической принадлежности, местности, в которой проживают дети, их религиозной принадлежности [Donald Ratcliff].

Если обращаться к отечественной этнографической традиции изучения детства, то, как отмечает Г. А. Комарова, исследования в этой области до 1980 г. проводились немногими учеными [Комарова 2010: 64]. Среди работ, заложивших начало отечественной этнографии детства, следует отметить работы русского этнолога, фольклориста языковеда Г. С. Виноградова, русского дореволюционного исследователя и собирателя детских подвижных игр Е. А. Покровского [Покровский 2007; Виноградов 2009]. К работам первой половины 20 века следует отнести труды Н. А. Рыбникова, Л. С., О. И. Капицы. Однако поворот в отечественных научных исследованиях пришелся на начало 1980-х гг. В этот период выходит книга И. С. Кона «Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива», в которой ученый выделяет три автономных аспекта в историко-социологическом и этнографическом изучении детства: изучение положения детей в обществе, их социальный статус, способы жизнедеятельности, отношения со взрослыми, институты и методы воспитания; изучение символических образов ребенка в культуре и массовом сознании, соционормативные представления о

возрастных свойствах, критериях зрелости; изучение культуры детства, внутреннего мира ребенка, направленности его интересов, детское восприятие взрослого общества, фольклор.

В последующем выходят сборники научных трудов, фольклорных и этнографических материалов, отражающих практики отношения к миру детства в традиционной культуре [«Мир детства» в традиционной культуре народов СССР 1991; Айвазян 1994; Герасимова 1996; Науменко 2001; Дронова, Канева 2008].

Среди отечественных научно-исследовательских работ культурно-антропологического исследования феномена детства следует отметить также вышедший относительно недавно «Энциклопедический словарь русского детства» доктора культурологии С. Б. Борисова. Как описывает сам автор, «словарь представляет собой описание механизмов ранней (индивидуально-спонтанной, коллективно-стихийной и властно-управляемой; первичной и вторичной) инкультурации в пределах «русского хронотопа» [Борисов 2008: 3].

Дальнейшее развитие культурно-антропологических исследований феномена детства представляется нам весьма актуальным и видится в разработке исследовательских вопросов, касающихся реконструкции культуры детской повседневности. Под детской повседневностью я предлагаю рассматривать ежедневный процесс жизнедеятельности детей, наполненный такими повторяющимися практиками, наименование и содержание которых зависит от социокультурного конструирования представлений о детстве в рамках конкретного общества. Под «культурой детской повседневности», вслед за М. В. Луковым, предлагаю понимать совокупность проявлений в ежедневном детском опыте «культуры для детей», содержание которой конструируется и контролируется взрослыми, а также «детской субкультурной традиции» (понятие М. Осориной, рассматриваемое как культурное обобщение социально-психологического опыта, накопленного в детском сообществе на протяжении длительного времени и кристаллизованного в двух основных формах: устойчивых моделях ритуализированного поведения и текстах детского фольклора) [Луков 2008; Осорина 2010: 333].

Вслед за направлением, получившим название «Культура-и-личность» (М. Мид, Р. Линтон, Э. Сэпир, Р. Бенедикт, Кора Дю Буа, И. Халлоуэлл), согласно которому исследование культуры каждого народа следует начинать с личности, являющейся подлинной и пер-

вичной реальностью (предметом изучения должно быть «взаимодействие культуры и личности, личность в культуре и воспроизводящая культуру» [Токарев 1978: 101]), мы считаем актуальным изучение культуры детской повседневности локального общества не только через призму того, как она создается и каким содержанием наполняется взрослыми для детей, но и как она вступает во взаимодействие с детьми и как начинает воспроизводиться, усваиваться, трансформироваться в повседневных практиках самих детей.

Методологическим подходом к исследованию культуры детской повседневности видятся также идеи интерпретативного направления культурной антропологии (В. Дильтей, К. Гирц). Ключевым исследовательским ракурсом данного направления является концентрирование внимания на изучении культуры через анализ субъективных представлений. При этом ценными являются субъективные представления самого объекта исследования – представителя той или иной культуры, а также субъективные представления самого исследователя [Отюцкий 2003: 348]. Исследование феноменов культуры предстает как объяснение путем интерпретации значений, воплощенных в символических формах. К. Гирц отмечает важность применения метода «насыщенного описания» (термин Гилберта Райла), описания того, что люди той или иной культуры сами считают, как сами интерпретируют свой опыт. Говоря словами К. Гирца, «антропологические работы представляют собой интерпретации второго и третьего порядка», а интерпретации первого порядка создают сами носители культуры» [Гирц]. Или, иными словами, применять интерпретативный метод как «эмический подход» («видеть вещи с точки зрения деятеля») [Емельянов, Скворцов, Тавровский 1995: 114]. Именно это и обуславливает методы культурно-антропологического исследования детства: интервью (опросы, беседы) с информантами – носителями культуры детской повседневности.

Исследование культуры детства представляется возможным и с точки зрения информационно-семиотического подхода к пониманию культуры [Кармин 2004: 15]. В связи с этим процесс реконструирования культуры детской повседневности представляется через исследование артефактов (вещей, мыслей, способов действий в отношении детей), смыслов (знания, ценности, правила и требования к организации жизни детей), знаков (текстов, содержащих значимую информацию о феномене детства).

Вслед за С. Б. Борисовым мы считаем перспективной разработку культурно-антропологического исследования детства, в котором на первый план выходит осмысление позиций ребенка в конкретной культуре, его интерпретаций окружающего мира, индивидуального пути инкультурации. Именно культурно-антропологический ракурс исследования детства привносит новый взгляд на понимание идеальных конструкций детства в культуре, позволяя вскрыть внутренние механизмы их усвоения и проживания конкретными носителями культуры – как взрослыми, так и детьми. Именно «живые голоса» представителей локальной культуры, воссоздаваемые ретроспективно или на расстоянии через анализ письменных и устных источников (фонограммы глубинных интервью), приоткрывают внутренние процессы и глубинные смыслы понимания явлений детства в культуре конкретного общества.

Актуальность культурно-антропологического подхода видится также в том, что благодаря реконструкции детской повседневности появится возможность увидеть, как проявления, изменения культуры могут индивидуально преломляться и осмысливаться в жизненном опыте определенных поколений детей. Или, иными словами, увидеть культурные явления детства не с позиции абстрактных конструкций, а как «живой опыт» усвоения и выражения локальной культуры.

Литература

Айвазян 1994 – Мир детства и традиционная культура: Сб. научных трудов и материалов / Сост. С. Г. Айвазян. М., 1994. 192 с.

Арьес 1999 – Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.

Белик 1998 – Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1998. С. 112.

Белик 2001 – Белик А. А. Культура и личность. Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. М.: РГГУ, 2001. С. 70.

Белик 2009 – Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. С. 204.

Бенедикт 2004 – Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. М., 2004. С. 250.

Борисов 2008 – Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: в двух томах. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2008. Т. 1. С. 3.

Виноградов 2009 – Виноградов Г. С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Вост. лит., 2009. 896 с.

Герасимова 1996 – Мир детства и традиционная культура: Сб. научных трудов и материалов / Сост. И. Е. Герасимова. М.: Гос. респ. Центр русского фольклора, 1996. 176 с.

Гирц – Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // URL: http://sociologist.nm.ru/articles/geertz_01.htm

Дронова, Канева 2008 – Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / Сост. Т. И. Дронов, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2008. 200 с.

Емельянов, Скворцов, Тавровский 1995 – Емельянов Ю. Н., Скворцов Н. Г., Тавровский А. В. Символично-интерпретативный подход в современной культурной антропологии / Очерки социальной антропологии. СПб., 1995. С. 114.

Иконникова 2005 – Иконникова С. Н. История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005. С. 352.

Кармин 2004 – Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. СПб., 2004. С. 15.

Комарова 2010 – Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. М., 2010. С. 64.

Кон 1988 – Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988. С. 15.

Луков 2008 – Луков М. В. Культура повседневности // Знание. Понимание. Умение: сетевой журн. 2008. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/>

Мид 1988 – Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. С. 400.

«Мир детства» в традиционной культуре народов СССР 1991 – «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: Сб. научных трудов. Ленинград, 1991. Часть 1. Этническое своеобразие способов социализации. 94 с.

Науменко 2001 – Народная мудрость и знание о ребенке. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов / Запись, составление и нотация Г. Д. Науменко. М., 2001. 431 с.

Орлова 2004 – Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2004. С. 240.

Осорина 2010 – Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2010. С. 333.

Отюцкий 2003 – Отюцкий Г. П. История социальной (культурной) антропологии. М., 2003. С. 348.

Покровский 2007 – Покровский Е. А. Русские детские подвижные игры. СПб., 2007. 48 с.

Токарев 1978 – Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 270.

Donald Ratcliff – Donald Ratcliff. Rituals in a school hallway: evidence of a latent spirituality of children // URL: <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED457460.pdf>.

Ю. В. Литвин

Философско-методологические проблемы гендерных исследований

Одним из перспективных подходов современной гуманитарной науки является междисциплинарность. В гендерных исследованиях, проводимых социологами, философами, психологами, этнографами, историками и т. д., этот подход находит широкое применение. В основе понимания термина «гендер» лежит идея о том, что помимо биологических различий между людьми существует разделение их социальных ролей [Словарь гендерных терминов 2002]. Таким образом, гендер конструируется обществом как социальная модель женщин и мужчин, которая определяет их положение и роль в обществе и его институтах [Словарь гендерных терминов 2002]. В данной статье предлагается осветить наиболее значимые концепции, повлиявшие на становление гендерных исследований.

Первыми, кто обнаружил значительные различия в отношениях, которые сегодня называются «гендерными», были этнографы. Они доказали, что различия социальных ролей, позиций, прав и обязанностей мужчин и женщин в той или иной этнической культуре детерминируются множеством факторов, как социальных, так и внесоциальных (географических, климатических, биологических и др.). Но «развести» понятия биологического пола (*sex*) и пола социального (*gender*) [Пушкарева 1998: 76] предложили социологи и философы (преимущественно представители философского феминизма: Ш. Ортнер, Р. Уингер, А. Рич, Г. Рубин и др.). Вначале это осуществлялось путем выявления аномалий – фактов, которые не вписывались в научную парадигму. Если мужские и женские способы поведения предопределены природой, то почему в разные исторические эпохи, в разных социумах и культурах мужские и женские стереотипы часто не совпадают? Так, в 1935 г. американский антрополог Маргарет Мид на основании сравнительного изучения трех племен Новой Гвинеи пришла к выводу, что модели поведения мужчин и женщин в этих трех племенах существенно различаются. Опыт, приобретенный

М. Мид в Новой Гвинее, заставил ее пересмотреть свои взгляды на «естественные» роли мужчин и женщин [Смелзер 1998].

До середины 1970-х гг. понятие биологического пола считалось неизменным от природы, а социокультурная компонента мыслилась как дополняющая природное начало. Царившее в работах феминисток конца 1960-х – начала 70-х гг. представление о сути и взаимодействии биологического и социально-культурного полов получило название эссенциалистского [Блохина 2003: 14]. В онтологии под *эссенциализмом* (от лат. *essentia* – сущность) понимают представление о том, что некоторые свойства объектов являются сущностными, определяющими. В гендерной теории акцент смещается на попытку зафиксировать некую неизменную, женскую или мужскую, сущность. В основе эссенциализма лежит идея о том, что есть нечто «данное» (Богом или природой), существующее извечно и поэтому неизменное. Обязательным атрибутом таких теорий является бинарность – женщина противопоставляется мужчине [Словарь гендерных терминов 2002]. Почвой для эссенциалистских построений являются прежде всего биологические и психоаналитические концепции, но могут подойти и другие теории гуманитарного цикла, например, в социологии – марксизм, теория Э. Дюркгейма и др. Так, Э. Дюркгейм выдвинул теорию взаимодополняемости и солидарности полов: мужская социальная роль понималась как «интеллектуальная», женская как «эмоциональная» [Пушкарева 2007: 124]. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что когда классовое угнетение будет уничтожено, исчезнет и половое неравенство. Эти мысли развиваются, в частности, в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.). Энгельс связывал подчинение женщины мужчине с формированием частной собственности, классового общества и изменением характера разделения труда в семье [Энгельс 1981: 354].

Идеи марксизма были восприняты многими феминистками, что вылилось в становление концепции социалистического феминизма. Например, Джулиет Митчелл сделала попытку совместить марксизм и феминизм. Синтез теорий привел ее к мысли о том, что одной из главных причин развития социальных отношений являлось табу инцеста. Запрет сексуальных связей в рамках одной семьи побуждал людей формировать более широкие социальные организации. В результате складывалась система обмена между биологическими семьями –

мужчины из разных семей обменивались женщинами. С развитием капитализма родство перестало ограничиваться лишь рамками семьи, которая выполняла теперь прежде всего идеологическую функцию [Тартаковская 2005: 293–294].

В гендерных исследованиях основными оппонентами эссенциализма являлись конструктивисты, которые считали пол и связанные с ним явления (например, сексуальность) продуктом истории.

Для понимания взаимодействия биологического и социокультурного полов был разработан поло-ролевой подход, получивший название *структурного функционализма* (Т. Парсонс, Р. Бейлс, М. Комаровски). В центре данной теории – процесс научения и интериоризации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум [Здравомылова, Темкина 2000: 16]. Окружающий нас мир скорее (и в большей степени) сконструирован людьми, нежели предопределен природой; именно под воздействием социума индивид «обучается» мужским и женским ролям и функциям (отсюда и наименование парсоновской концепции – структурный функционализм). Вместе с понятием «социальной структуры» в общественных науках появилось и понятие «социальных ролей». Теория социального конструирования была одним из главнейших достижений западной социологии 1960-х гг. После Т. Парсонса практически во всех явлениях стали искать детерминизм социальный [Пушкарева 1999: 170].

Структурный функционализм (названный впоследствии «стандартной американской социологией») долгое время был очень влиятельной и даже доминирующей методологией в социологии, однако ему присущи недостатки, такие, как нормативный характер теории; отсутствие объяснения сопротивления сложившемуся гендерному порядку; наличие принципа «натурализации» отношений между полами и т. д. [Тартаковская 2005: 32–33].

Дальнейшее развитие гендерных исследований связано с конструктивистской критикой структурного функционализма. Со второй половины 1980-х гг. социологи стали обращать внимание на изучение повседневной жизни, взаимодействие людей в конкретных ситуациях. *Социально-конструктивистский подход*, представителями которого являются П. Бергер и Т. Лукман, А. Шуц, И. Гофман, Г. Гарфинкель, смещает акценты социальной теории на микроуровень и повседневные взаимодействия [Словарь гендерных терминов 2002]. В книге

«Социальное конструирование реальности» (1966 г.) П. Бергер и Т. Лукман рассматривают пути создания людьми социальных феноменов, которые институционализируются и превращаются в традиции [Здравомыслова, Темкина 2003: 10].

Одна из важнейших вех в методологии гендерных отношений связана с применением объединительной методологии французского социолога П. Бурдьё и английского социолога Э. Гидденса [Леденева 1995: 7–8]. В рамках *структурно-конструктивистского подхода* социальные институты рассматриваются как организованные определенными правилами, а организующие их практики воспроизводят или трансформируют структуру. Институциональные структурные рамки не являются неизменными. Их изменение становится возможным, когда на микроуровне происходит «поломка» привычного образца поведения, предписанного индивиду. Применение объединительной парадигмы в гендерном подходе позволяет увидеть как воспроизводство старых, так и производство новых гендерных отношений. Чтобы изменилась коллективная практика, ей должен быть брошен вызов — одиночный или групповой. Таким образом, данная концепция позволяет анализировать гендерные отношения как процесс взаимодействия индивидов и социальных структур [Здравомыслова, Темкина 2000: 22].

Роберт Коннелл предложил свою версию структурно-конструктивистского подхода к изучению гендерных отношений. Упрощенно концепцию Р. Коннелла можно изложить следующим образом. Во-первых, он предлагает отказаться от термина «гендерный порядок» в пользу «гендерной композиции», подразумевая под этим существование разных гендерных отношений в различных структурах. Во-вторых, Р. Коннелл выделяет четыре такие «структурные модели» (измерения) гендерных отношений:

1. отношения власти (с функциями контроля и принуждения);
2. производственные отношения (разделение труда);
3. катексис (эмоциональные отношения);
4. символические репрезентации (система значений и репрезентация мужественности и женственности).

В сумме они составляют основу гендерной композиции (гендерной системы). Наконец, он придает гендерной системе иерархичность: гендерный режим, определяющий правила гендерного поведе-

ния в отдельных институтах, и гендерный порядок, который регулирует эти отношения в масштабах всего общества. Таким образом, Р. Коннелл определяет гендерную систему как многоуровневый феномен, включающий в себя социальные, институциональные и символические практики, посредством которого происходит деление мужчин и женщин по половому признаку; дальнейшее их взаимодействие строится в рамках асимметричных отношений с обществом и друг другом [Тартаковская 2005: 117].

К началу – середине 1990-х гг. положение в системе гуманитарного знания изменилось – произошла очередная смена парадигм. Социальный конструктивизм оказался окончательно вытеснен *постструктурализмом* [Пушкарева 1999: 174]. Основным изменением, связанным с новым представлением о реальности, был отказ от механистического (конструктивистского) видения мира. На смену ему пришел принцип тонкого взаимодействия, который нельзя упростить до схемы. Вместо идеи обобщения и тождества (концепция «социальной структуры») постструктурализм поставил во главу угла идею *различия* и *множественности*, проблему неструктурного, казуального, нетипичного и единичного [Пушкарева 1999: 175]. Главное содержание постмодернистской парадигмы состоит в том, что она переносит акцент на язык, который рассматривается не просто как средство отражения и коммуникации, а как главный фактор, определяющий мышление и поведение [Репина 2006: 245]. Именно поэтому современный переворот в системе гуманитарного знания именуют «лингвистическим поворотом». Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида – именно этим ученым принадлежит открытие проблемы языка как объясняющего механизма внеязыковых реальностей [Пушкарева 1999: 176]. М. Фуко полагал, что для самовыражения и определения статуса личности необходимы система знаков, практика речевого и неречевого поведения. Исследователи гендерных отношений продолжили эту мысль, связав систему таких знаков и власть. Они настаивали на том, что социальный дискурс¹ всегда «гендерно пораженный», т. е. воспроизводит дискриминацию женщин посредством языковых и внеязыковых практик [Пушкарева 1999: 176].

¹ Дискурс, в понимании М. Фуко, – практика речевого (вербального) и неречевого (невербального) поведения, совокупность знаков и символов. К последним М. Фуко относил *Тело, Действие и Власть* (подр. см. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996).

История женщин как часть междисциплинарного научного направления – гендерных исследований, сформировалась на Западе в конце 1960–70-х гг. Гендерная история родилась в 1980-е годы и приобрела новое качество в результате теоретического переосмысления предмета исследования, пересмотра концептуального аппарата и методологических принципов «женской истории» [Репина 2009: 175].

В середине 1980-х гг. американская исследовательница Дж. Скотт предложила рассматривать четыре группы социально-исторических подсистем сквозь призму «гендера»:

1. комплекс символов и образов, характеризующих «мужчину» и «женщину» в культуре;
2. комплекс норм – религиозных, педагогических, научных, правовых, политических;
3. социальные институты, которые его формируют (семья, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство);
4. проблемы самовыражения, субъективного самосознания личности, половую идентичность [Пушкарева 1999: 173].

Выделение четырех подсистем было толчком для использования гендерного подхода в истории. На сегодняшний день в России гендерная история заняла определенную нишу в научном сообществе. Однако прежде чем оформиться, направление прошло несколько этапов в развитии: от исторической феминологии, «истории женщин» (women's study) до гендерных исследований. В Западной Европе и США толчком к развитию истории женщин в конце 1960-х – начале 70-х гг. послужил подъем второй волны феминизма. В отечественной историографии всплеск интереса к женской теме пришелся на рубеж 1970 – 80-х гг. С началом 1990-х гг. «женская история» обрела новое дыхание: во-первых, гласность позволила действовать исследователям свободно, не следуя концепции классиков марксизма, утверждавших, что все многовековое прошлое есть история «всемирно-исторического поражения женского пола» [Пушкарева 1999: 169]; во-вторых, благодаря процессам 1990-х гг. российские ученые получили доступ к международным исследованиям, посвященным женской и гендерной истории. Среди исследователей, посвятивших свои работы данной проблематике, следует назвать Н. Л. Пушкареву, Г. А. Тишкина, И. И. Юкину, А. В. Белову, Л. П. Репину, И. А. Морозова. Выпус-

каются сборники, посвященные гендерным вопросам («Гендерная история: pro et contra»; «Гендерные исследования»; «Женщина в российском обществе», «Мужской сборник», энциклопедия «Мужики и бабы: мужское и женское в традиционной культуре» и т. д.)

В определении объекта гендерной истории у российских исследователей нет разногласий – это диалог полов, но в отношении предмета существуют несколько точек зрения. Так, М. Г. Муравьева включает в предмет гендерной истории историю женщин, историю мужчин, историю полов и их взаимодействия, проблемы социального конструирования пола и, самое главное, влияние вышеуказанных принципов на общую картину социального развития [Юкина 2003: 35]. И. Р. Чикалова считает, что предмет гендерной истории составляет история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей [Чикалова 2004: 15]. Точка зрения Л. П. Репиной заключается в том, что гендерная история теоретически переосмыслила предмет исследования женской истории, фокусируясь на истории отношений между мужчинами и женщинами, включенными в исторический контекст [Юкина 2003: 35]. Н. Л. Пушкарева подчеркивает, что предмет гендерной истории заключается не только в изучении истории взаимоотношений между полами, но и в анализе иерархий – как в обществе, так и внутри женской и мужской групп [Пушкарева 2007: 212].

Одно из центральных мест в гендерной истории занимает проблема соотношения приватного и публичного. Обращаясь к ней, гендерные историки опираются на работы *антропологического характера*, связывающие неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (область женщин) и публичную сферы (область мужчин) [Репина 2006: 258]. Напротив, британский исследователь Дж. Тош считает концепцию жесткого разделения частной и публичной сфер неадекватной, так как она предоставляла возможность свободного перехода между этими сферами, однако, прежде всего, для мужчин [Репина 2006: 232].

Еще одно перспективное направление гендерной истории – *персональная (биографическая) история*. При всей ограниченности источниковой базы, особенно по истории раннего Нового времени, сегодня предпринимаются попытки реконструировать историческую индивидуальность женщины среднего и низшего класса. Здесь уместно будет

упомануть работы В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой [Пономарева, Хорошилова 2009], которые делают попытку восстановить внутренний мир женщины Нового времени. Однако существует методологический вопрос: можно ли исследование отдельных судеб, казусов экстраполировать на область коллективного опыта? В этом случае следует помнить, что индивидуальные биографии как форма микроанализа используются для прояснения социального контекста, а не наоборот [Репина 2009: 232–233].

Существенный вклад в развитие истории взаимоотношения полов принадлежит «новой интеллектуальной» или «новой культурной истории». Перед историками встала задача анализа не только мужского «подавления», но и форм признания и согласия женщин со своим якобы «природопределенным статусом» [Пушкарева 1999: 179]. Российский историк И. Р. Чикалова в статье «Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития» обращает внимание на то, что консервативный дискурс (представленный, например, одним из основателей идеологии европейского консерватизма Эдмундом Берком) «о естественном порядке вещей в мире» во многом основан на христианской идеологии. Поэтому встроены в нее представления «о естественном предназначении женщины» являются очень устойчивыми. Однако консервативные взгляды оказываются выгодны не только мужчинам, они оказываются близки и многим женщинам. И мужчины, и женщины, согласно И. Р. Чикаловой, «добровольно» поддерживают закрепленное в обществе и государстве неравенство, связанное с полом. Это неравенство, по мнению исследователя, сохраняется веками, производя иллюзию неизбежности [Чикалова 2004: 5].

Однако наиболее перспективным для гендерной истории является ее «союз» с *историей ментальностей* и *культурной антропологией*. Н. Л. Пушкарева выделила широкий круг тем в этой области, среди них — происхождение гендерных стереотипов, истоки разделения социальных и семейных ролей и форм деятельности, гендерный аспект истории детства, юности, старости, вдовства, сексуальности, гендерное измерение повседневности, культурно-символический аспект «мужского» и «женского» и т. д. [Пушкарева 2007: 234–235]

Возможные направления анализа с точки зрения гендерной истории предлагает и *постмодернистская парадигма*. То, что нас окружает и доступно наблюдению, либо уже является текстом, либо может

быть в качестве такового представлено. Все эти тексты или документальные источники можно разделить на два типа: созданные специально для исследования или созданные первоначально для иных целей и лишь затем проанализированные учеными. Письма, дневники, стихи, любительские фильмы, фотоальбомы, коллекции различных вещей и другие формы самовыражения и отражения личной жизни, характерные для многих людей, являются культурными артефактами. Подобного рода документы могут стать предметом интереса социально ориентированных ученых, в частности, гендерных историков [Пушкарева 1999: 179].

Методы гендерной истории, с одной стороны, сходны с общеисторическими, с другой — имеют свою специфику. Следующие классические методы исторического исследования используются гендерной историей: *историко-генетический*, позволяющий познать изучаемую реальность в процессе ее исторического движения (например, предпосылки внедрения женского образования в России и его последствия); *историко-сравнительный*, суть которого заключается в выявлении тождества и различия определенных исторических структур и явлений, разделенных во времени и/или пространстве (например, положение женщин и мужчин в разные исторические эпохи); *историко-системный*, задача которого заключается в выявлении комплексной, цельной картины прошлого (например, анализ общественно-политической, культурной обстановки при исследовании женского движения); *агрегативный*, подразумевающий сбор разрозненных фактов из источников разного типа; *казуальный*, сводимый к рассмотрению уникальных, нетипичных явлений [Ковальченко 2003: 182–207]. Однако междисциплинарность гендерной истории делает необходимым использование методологической базы и других дисциплин.

Количественные методы, применяемые российскими историками уже более 40 лет [Ковальченко 2003: 297–298], необходимы при гендерной экспертизе социально-исторических процессов (например, влияние реформ 1860-х гг. на мобильность женского и мужского населения Российской империи; анализ динамики численности населения и т. д.). Однако современные гендерологи отдают приоритет все же качественным методам (что связано с идеями постмодернизма и постструктурализма).

Методы социологии и этнографии – *интервьюирование* и *опрос* – предоставляют возможность услышать голос женщины и/или мужчины. Кроме того, данный метод дает возможность историку сравнить данные, полученные в ходе интервью, с выводами исследователей и современников (преимущественно мужчин) XIX–XX вв. Например, учитель П. Успенский на страницах «Вестника олоневского губернского земства» в 1909 г. проанализировал состояние женских промыслов на территории губернии и влияние на них модернизационных процессов конца XIX – начала XX вв. [Успенский 1909: 17]. Он с сожалением отметил, что в тех районах, где женские промыслы пользовались большим спросом, чем мужские, имело место перераспределение гендерных ролей, если использовать современную терминологию. Однако нераскрытыми остались вопросы: что сами крестьянки думали на этот счет? Как уход на заработки отразился на их мировоззрении (и отразился ли)? С какими трудностями они, как женщины, сталкивались за пределами уезда? и т. д. Только с середины 1920-х гг. на территории Карелии исследовательницы предпринимают попытки отделить женский опыт от «универсального» (т. е., по сути, мужского), однако круг тем и вопросов был тесно связан с идеологической линией государства [НА КарНЦ РАН].

Большое значение для историка имеют *лингвистические методы* анализа языковых структур, речи мужчин и женщин, изучение языка не столько как средства общения, а прежде всего как отражение социальных статусов, сформировавшихся под влиянием традиций. Методы гендерной лингвистики через анализ, например, фольклорных текстов позволяют историку проследить этапы конструирования и закрепления «мужской» и «женской» ролей. Таким образом, гендерный подход в истории позволяет оперировать методами широкого круга дисциплин, в центре которых лежит анализ текста, языковой и внеязыковой реальности и повседневных практик мужчин и женщин.

Итак, гендерная история прошла следующие вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но игнорирующей женщин истории к ее зеркальному отражению – «женской» истории, а от последней – к общей гендерной истории и далее – к обновленной и обогащенной социальной истории, которая стремится расширить свое предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений [Репина 2006: 262]. Гендерная история представляет собой огромное междисциплинарное поле, которое охватывает социально-

экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое и интеллектуальное измерения и имеет, по мнению Л. П. Репиной, весьма объективные основания стать важным стратегическим плацдармом для реализации проекта новой всеобщей истории [Репина 2009: 238].

На наш взгляд, применение гендерного подхода в изучении исторических процессов имеет множество преимуществ: от возможности микроанализа социальных структур (на уровне изучения истории жизни отдельного индивида) до построения концепций на макроуровне (на уровне социальных институтов). Неоспоримое преимущество исследователей гендера — это допущение плюрализма, включение в научный дискурс данных и методов различных дисциплин. С другой стороны, реализация тех возможностей, которые дает гендерный анализ, немислима без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования.

Литература

Блохина 2003 — Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления [Электронный ресурс] // Общество и гендер: Материалы Летней школы в Рязани (1–12 июля 2003 г.). Рязань: «Поверенный», 2003. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/bloхина.html>

Здравомыслова, Темкина 2000 — Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–24.

Здравомыслова, Темкина 2003 — Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские исследования: Материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С. 6–26.

Кирилина, Томская 2005 — Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–132.

Ковальченко 2003 — Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.

Кравченко 2001 — Кравченко А. И. Культурология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2001. 496 с.

Леденева 1995 — Леденева А. Тенденции изменения концепции социальных наук // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 4–15.

Мюллер 2004 — Мюллер В. К. Англо-русский словарь. СПб.: Лист Нью, 2004. 699 с.

Пономарева, Хорошилова 2009 – Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2009. 352 с.

Пушкарева 1999 – Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 166–186.

Пушкарева 1998 – Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86.

Пушкарева 2007 – Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: «Алетейя», 2007. 496 с.

Репина 2006 – Репина Л. П. История исторического знания. М.: «Дрофа», 2006. 288 с.

Репина 2009 – Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: URSS: ЛКИ, 2009. 320 с.

Словарь гендерных терминов 2002 – Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / Под ред. А. А. Денисовой. М.: «Информация – XXI в.», 2002. 256 с. URL: <http://www.owl.ru/gender/index.htm>

Смелзер 1998 – Смелзер Н. Социология [Электронный ресурс]. М., 1998. URL: <http://www.scepsis.ru>

Тартаковская 2005 – Тартаковская И. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005. 368 с.

Тартаковская 2007 – Тартаковская И. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннелла // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 6–23.

Успенский 1909 – Успенский П. Женские промыслы в Олонии // ВОГЗ. 1909. № 24. С. 17.

Чикалова 2004 – Чикалова И. Р. «Бархатная революция» в политической и исторической науке // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. научных статей. Минск: БГПУ, 2004. Вып. 3. С. 5–16.

Энгельс 1981 – Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. М.: «Политиздат», 1981. Т. 3.

Юкина 2003 – Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: Материалы к библиографии. СПб.: «Алетейя», 2003. 232 с.

Ярская-Смирнова 2001 – Ярская-Смирнова Е. Истоки и методы гендерных исследований // Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН; Саратов: Поволж. межрегион. учебн. центр, 2001. Ч. 1. С. 7–92.

Архивные материалы

НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра РАН. Разр. VI. Оп. 1. Д. 59.

Е. В. Марковская

Взаимоотношения собирателя и исполнителя при проведении интервью: «свое» и «чужое»

Успешный сбор фольклорного материала во многом определяется уровнем доверия и взаимопонимания исполнителя и собирателя. Получение «чужого знания» посторонним для исполнителя человеком обсуждается современными исследователями с точки зрения взаимодействия «своего» и «чужого». Имеются многочисленные факторы, способствующие или препятствующие этой передаче. Анализу данной системы взаимоотношений и посвящена настоящая работа.

Одним из наиболее распространенных способов сбора материала является метод интервью. В России название этого метода укрепилось относительно недавно и в настоящий момент используется чаще, чем ранее широко используемый термин «беседа». Его применяют не только фольклористы и этнографы, но также и специалисты других областей, таких, как история, этнология, социология и др.

В основе текста интервью лежит слово. По словам Михаила Михайловича Бахтина: «Слово (как и вообще всякий знак) межиндивидуально. Все сказанное, выраженное находится вне «души» говорящего, не принадлежит только ему. Слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в преднайденом автором слове (ведь ничьих слов нет). Слово – это драма, в которой участвуют три персонажа (это не дуэт, а трио)» [Бахтин 1979: 317].

Интервью чаще всего проходит не по фиксированной схеме, что усложняет методическую часть этой работы, требует особых навыков и знаний. Существует устная традиция передачи навыков собирания молодым специалистам. Так, начинающие собиратели в первых экспедициях работают с опытными руководителями: наблюдают, как происходит общение, как записывается материал и обучаются работе с диктофоном. В среднем в год сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН при-

нимают участие в 5–6 экспедициях, что дает возможность начинающим исследователям включаться в полевые работы.

В фольклористике, как и в этнологии, чаще используется полужурналистский тип проведения интервью, подход к которому обусловлен поставленными задачами. Целью может быть фиксация одного жанра или запись разных жанров, отражающих картину бытующей традиции на выбранной территории. Примером первой группы может послужить коллекция № 123, собранная А. П. Разумовой и Т. А. Коски в 1964 году, в которой содержится 88 текстов различных песен и одно причитание, а второй – коллекция № 140 (ед.хр. 1-388), собранная В. П. Кузнецовой. Жанровый состав этой коллекции включает духовные стихи, песни, этнографические рассказы, причитания, свадебные приговоры, заговоры, частушки, малые жанры, детский фольклор, автобиографические рассказы и рассказы о бытовании жанра, поверья, молитвы и другой материал. В эту же группу входит «биографическое интервью», где записывается различная информация из истории жизни человека.

В литературе встречается метод так называемого дневникового интервьюирования [Лоскутова 2002: 11]. В этом случае респондентов просят вести регулярные дневниковые записи (на бумаге или с помощью магнитофона) по интересующим исследователя вопросам. Записи могут делаться ежедневно, еженедельно, ежемесячно или даже раз в год.

Нужно отметить, что в фольклористике используются все перечисленные виды интервью, относительно редко только последний – дневниковый. Это объясняется тем, что ответы на интересующие вопросы для исследователя проще получить на месте. Но в некоторых случаях исполнитель соглашается делать собственноручную запись и сам отправляет ее собирателю. Сотрудниками Института ЯЛИ этот метод тоже использовался. Примером может послужить коллекция № 71 русской части Научного архива (20 ед.хр., 1838–1939 гг.). Это собственноручная запись правнука известного сказителя Трофима Рябинина – М. К. Рябинина (сказки – 4, народный театр – 5, рассказ о колдовстве – 1, новины и самодельные стихи – 10).

Ученые, использующие в своей работе метод интервью, все больше понимают необходимость учета достижений психологии для установления контакта с интервьюером и избегания проблемных ситуа-

ций в ходе общения. В силу того что фольклорный материал записывается в условиях непосредственного диалога, важную роль играет как общий настрой собирателя и информанта, особенности характеров, так и сиюминутные настроения.

В настоящее время выявлены некоторые закономерности взаимоотношений собирателя и информанта. Так, отмечено, что наилучшего результата можно добиться, если исполнитель и собиратель принадлежат к одной гендерной и этнической группе, занимают близкое социальное положение.

Американская исследовательница, специалист в области устной истории Валерия Йоу выделила разные психологические задачи, которые подсознательно определяют в разговоре мужчины и женщины. По ее данным, для мужчин это процесс обмена информацией, а для женщин это скорее возможность установить личные отношения с другим человеком, наладить контакт, заручиться взаимной поддержкой. Исследовательница доказывает, что женщины чаще, чем мужчины прерывают собеседника в разговоре, чтобы показать, каким образом они понимают сказанное. Мужчины используют краткие положительные ответы и воспринимают их в разговоре как выражение полного согласия. Когда их речь прерывают, они воспринимают это как досадную помеху, препятствующую ходу мыслей, поскольку сами они гораздо меньше следят за тем, насколько собеседник понимает то, о чем ему говорят. Женщины более склонны употреблять местоимение «мы», в то время как мужчины чаще всего говорят от своего имени [Yow 1994: 129–134]. Подобные небольшие замечания и рекомендации могут серьезно помочь правильно понять собеседника и суметь расположить его, что является очень важным моментом в работе.

Интересную особенность во взаимоотношениях собирателя и информанта отмечает Светлана Борисовна Адоньева. Она считает, что собиратель фольклора узнает об информанте только то, «что ему позволительно знать, как посвящаемому. А посвящается он лишь в то, что положено ему знать в соответствии с его полом и возрастом. Прошедшие все возрастные циклы посвящений знают то, что положено знать лицам этого пола. А поскольку фольклорно-этнографическая информация чаще всего записывается от пожилых женщин, они сами, определяя статус собирателя, оценивают ситуацию собирания

фольклора, как инициационную и „посвящают” в девок, баб или большух» [Адоньева 1998: 27]. Это осложняет работу молодых собирателей и требует разработки специальных методик для получения более полного полевого материала.

Одним из наименее изученных аспектов сбора фольклорного материала является участие в экспедициях иностранных собирателей. В этой ситуации увеличивается культурная дистанция между «своим» и «чужим». Вопросом о том, какое влияние оказывает собиратель на информанта в ходе их общения, задается японская исследовательница Дзюнко Фудзивара. По материалам экспедиций, проведенных в Карелии, ею рассматривается проблема самооценки своих знаний информантами, подмеченная «извне», с точки зрения иностранного собирателя. Исследовательница отмечает озадаченность информантов, когда им говорится, что знание — это сокровище русского народа или важная часть знания их предков. И это знание начинает занимать совсем другое место в душе информанта. Автор считает, что во время интервью происходит переворот сознания. Фольклорист в процессе фиксации традиции резко меняет образ ее существования. Исследовательница пишет: «Через два часа, когда мы заканчивали интервью, она [знахарка — Е. М.] уже более ли менее знала, что она носитель русской культуры, достойная того, чтобы ознакомить с ней японских читателей». Следует отметить, что этот эффект изменения самосознания исполнителя проявляется при работе любого отечественного талантливого собирателя, но наиболее ярко он заметен при работе иностранного исследователя.

В работе Дзюнко Фудзивара была поднята еще одна проблема, широко обсуждаемая в отечественной литературе. По ее наблюдению, при опросе «знающих» людей возникает своего рода противоречие, связанное с тем, что знание информанта является личным и тайным: его нельзя открывать никому, кроме избранных наследников. И поэтому если добрая знахарка отдаст всё для развития отечественной науки, исследователь может сказать: «Идет процесс десакрализации магического знания», не замечая, что на самом деле он сам вызвал этот процесс. Фольклористы Японии, как и западные исследователи, решение этой проблемы видят в необходимости критического анализа экспедиционной и исследовательской

практики [Фудзивара 2004: 16–22]. По-видимому, и отечественным исследователям нужно критически подходить к существующим методикам проведения интервью.

Анализ проблем взаимоотношений информанта и собирателя показал, что они расширяются и изменяются в связи с изменениями в современном обществе и приводят к необходимости пересмотра стандартных анкет-опросников с учетом новых представлений о технологии интервью. Многие ученые сходятся на том, что в настоящее время необходимо более ответственно относиться к чужим знаниям, не прибегать к «тайным» или «силовым» приемам получения информации. Подтверждением высокого интереса к данной проблеме может послужить выпуск пятого номера журнала «Антропологический форум» за 2006 год, посвященный этическим проблемам полевых исследований.

Проблема диалога «своего» и «чужого» остается важной во всем мире и особенно актуализируется в России в связи с изменениями в социальной жизни людей.

Литература

Адоньева 1998 – Адоньева С. Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1. С. 26–28.

Бахтин 1979 – Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Лоскутова 2002 – Лоскутова М. В. Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002. 56 с.

Фудзивара 2004 – Фудзивара Д. «Настоящее» и «ненастоящее» в русской магической традиции // Живая старина. 2004. № 2. С. 16–22.

Yow 1994 – Yow V. R. Recording oral history. A practical guide for social scientists. London, 1994. P. 129–134.

В. Б. Бовин

Методика сбора звукового фольклорно-этнографического материала в условиях экспедиции

Фонограммархив ИЯЛИ содержит 3712 единиц хранения (ед.хр.) звукозаписей, из них около 380 ед.хр. находятся на компакт-кассетах. Значительная же часть представлена магнитными лентами. Впервые возможность вести запись фольклорного материала на магнитную ленту появилась у сотрудников Института после того, как в СССР в 1946 г. стали выпускаться бытовые катушечные магнитофоны. К сожалению, единой методики проведения звукозаписи не существовало. После кратких инструкций, полученных по большей части от людей, которые уже имели дело с подобным оборудованием, сотрудники отправлялись в путь. В результате недостаточных технических знаний некоторые записи выполнены либо с низким уровнем записи, либо с высоким. Соответственно, в одном случае звука практически не слышно, в другом, вследствие повышенной громкости, трудно разобрать речь.

Бытовой магнитофон того времени представлял собой аппарат весом 15–20 кг. Движущие части лентопротяжного тракта ввиду своей громоздкости создавали шум во время работы магнитофона. Случалось, что собиратель ставил магнитофон на стол, где уже находился микрофон, в результате чего на магнитную ленту записывался голос исполнителя, а также гул магнитофона. В отдельных случаях, вероятно прослушав получившиеся записи, собиратель догадывался убрать магнитофон на другую поверхность (например, на стул), устраняя звуковые помехи, создаваемые двигателем аппарата.

Рис.1 Катушечный
Магнитофон «Романтик-3»

В процессе перевода фонда звукозаписей Фонограммархива ИЯЛИ в электронную форму нередко встречаются записи с наличием фона бытовой электрической сети (50 Гц). Такое могло произойти по разным причинам, в том числе из-за неполадок в самом магнитофоне. Фон также мог возникнуть в результате неплотного примыкания контактов разъема микрофона. Иногда и сам усилитель «пропускал» такой шум. В некоторых случаях собирателю приходилось записывать материал в деревнях, где электричества не было вообще. Были деревни, где электричество включалось только вечером. Тогда в ход шли автономные источники питания (гальванические батареи). Лучшие записи выполнены магнитофоном с использованием батарей. Их использование исключало попадание в звукозапись фона бытовой электросети. К сожалению, батареи часто разряжались, и в Фонограммархиве можно встретить записи с искаженной скоростью воспроизведения (замедление вращения двигателя).

Во время беседы микрофон очень часто устанавливался на стол, за которым сидели исполнители и собиратели. Само устройство микрофонов тех времен не предусматривало гашения вибрации, и если на стол ставилась посуда, либо в разгар оживленной беседы исполнитель хлопывал по столу, — это создавало отчетливые помехи в звукозаписи.

Число неприятных ситуаций в экспедиции можно было бы уменьшить, используя несложные рекомендации. Проведение пробной звукозаписи, с установкой хотя бы трех разных положений уровня записи и последующим прослушиванием, дает представление об оптимальных настройках. При исполнении песен сила звука увеличивается, соответственно, уровень записи понижают. В действительности ситуации могут быть различные. Например, при опросе информанта присоединяется его громкоголосый сосед, и уровень записи не соответствует установленным заранее значениям. Если громкоговорящий исполнитель покинул беседу, уровень «поднимается» до изначальной позиции. В Фонограммархиве ИЯЛИ встречались записи, в которых постоянно регулировался уровень. В конечном итоге собиратель забывал привести ручку регулятора в нужную позицию, что приводило к ухудшению качества звукозаписей.

Во время работы не рекомендуется часто прикасаться к микрофону (также к диктофону со встроенным микрофоном), поскольку во время прикосновения возникнет звук, превышающий по силе голос

исполнителя, в результате чего разборчивость речи снизится. Кроме того, такую запись будет довольно проблематично использовать для публикаций или выпуска сборника звукозаписей.

Микрофон устанавливают на расстояние примерно 50 см от исполнителя. В этом случае можно достигнуть оптимальных значений уровня записи, кроме того, информант не сможет случайно задеть аппарат в ходе оживленной беседы.

Во время экспедиций в 60–90-е гг. XX в. часто приходилось экономить магнитную ленту, поэтому до наших дней отдельные произведения дошли в сокращениях (например, поморские песни, записанные Д. М. Балашовым в 1957 г.). Необходимо помнить, что как перед записью произведения, так и спустя несколько секунд по окончании рекомендуется выдерживать паузы. Обрывать записи не рекомендуется, хотя в некоторых случаях такого избежать не удастся.

Сегодняшние звукозаписи чаще выполняются на бытовые цифровые диктофоны и реже на профессиональные или полупрофессиональные, например, Olympus LS-11. Стоимость бытового диктофона – в пределах 2–3 тыс. руб. (2011 г.). Понятно, что даже такие расходы не могут себе позволить некоторые собиратели. Тем не менее при выборе дешевого цифрового диктофона рекомендуется обратить внимание на следующие детали.

* Приветствуется стереофонический диктофон (в настоящее время это не редкость).

* Несмотря на то, что большинство аппаратов записывают звук в аудиоформате WMA (бывают случаи использования специфических форматов записи), рекомендуется WAV или MP3. Причем в настройках качества записи должны присутствовать параметры 160 kbps, 192 kbps, 256 kbps, 320 kbps (показатель качества). Хотя при параметрах 192 kbps (диктофоны Sony) можно добиться приемлемого звучания, наличие значений 256 и 320 kbps в настройках диктофона приветствуется. Дорогой аппарат Olympus LS-11 (460 долл. США, 2011 г.) позволяет производить звукозапись с параметрами формата PCM WAV, 96кГц, 24 бита, что является практически студийной записью, при наличии студийных же условий.

* Диктофон должен иметь разъемы для подключения внешнего микрофона и наушников (т. е. устройства для персонального прослушивания звука). Внешний микрофон (как правило, это микрофон с

электропитанием) может понадобиться, если качество записи на встроенный ощутимо низкое. Замечательно, если в диктофон встроена миниатюрная акустическая система (громкоговоритель). Это позволит прослушать запись без подключения наушников.

* Идеально, когда в диктофоне присутствует разъем для установки карт памяти. Чаше встречается формат SD – Secure Digital. Трудно сказать, какой объем звукозаписей будет получен в ходе экспедиции. За неделю сбора фольклорно-этнографического материала можно получить объем от 5 до 25 часов звучания.

Невероятное число дешевых бытовых диктофонов не имеют таких разъемов, а заявленная производителем продолжительность записи в 20, 50, 100 часов, как правило, достигается за счет снижения битрейта (скорости передачи цифровой информации в секунду) до 16 kbps. Полученный материал расшифровывается с трудом.

Сейчас карты памяти стремительно дешевеют. Рекомендуется брать с собой сразу несколько таких носителей информации. Кроме того, хранение записей на отдельных, небольших по объему картах памяти отчасти защищает данные от случайного повреждения. Так, если в диктофоне используется только встроенная память, при выходе диктофона из строя автоматически пропадает доступ сразу ко всем записям.

* Желательно не оставлять без внимания вопросы электропитания устройства. Очень многие диктофоны содержат встроенную литий-ионную аккумуляторную батарею, а в качестве зарядного устройства, как правило, выступает компьютер. В экспедицию компьютер взять можно, однако в случае отсутствия тока в электросети собиратель не сможет включить компьютер и зарядить диктофон. В таких случаях приобретают диктофон, в который устанавливаются одна или две батареи типоразмером «AAA» (соответствует российскому формату элемента А-316). Батареи можно заменить на соответствующие по типу мощные аккумуляторы. Если аккумуляторы разряжаются, а электричества нет, то применяются стандартные батареи, которые можно приобрести даже в небольшом населенном пункте. Таким образом, собиратель всегда «вооружен».

* Большим удобством в работе с диктофоном является разъем mini-USB. В этом случае диктофон подключается к компьютеру как флеш-накопитель. Файлы копируются на жесткий диск компьютера без использования специфического программного обеспечения.

Далеко не каждый диктофон соответствует этим требованиям, поэтому собиратель выбирает те качества приобретаемого устройства, которые обеспечивают необходимые в работе характеристики.

Рис.2 Ошибочное размещение диктофона во время звукозаписи (справа) и рекомендуемое (слева)

При работе с цифровыми диктофонами рекомендуется соблюдать примерно те же рекомендации, что и с магнитофонами. Во время записи диктофон кладут на такую поверхность, которая смягчит вибрации и возможные удары о корпус устройства. Например, если положить диктофон на рукавичку, платок или тканевый футляр диктофона, лежащий на столе, то помехи, создаваемые случайными ударами о стол, заметно снизятся. Если внутри той же шерстяной рукавички поместить работающий диктофон, то ворсинки шерсти в какой-то мере защитят чувствительный микрофон от порывов ветра, что позволит вести звукозапись на улице.

Во время работы диктофона необходимо полностью отключить сотовые (мобильные) телефоны, чтобы предотвратить нежелательную запись радиопомех, возникающих во время передачи телефоном сигнала на ближайшую базовую станцию. Это же требование применимо к видеокамерам.

Диктофон в процессе работы создает звуковой файл. По окончании сеанса записи этот файл сохраняется во флеш-память аппарата (или на карту SD) с присвоением ему уникального имени. Следующий сеанс записи приведет к созданию нового файла с другим именем (как правило, в имени файла изменяется порядковый номер). К концу экспедиции таких файлов набирается от 50 до 100. Например, в результате четырехдневной экспедиции (под руководством И. Ю. Винокуровой) в Ленинградскую область в мае 2011 г. с помощью диктофона “Sony ICD-UX” было получено 30 треков (отдельных звуковых файлов) объемом 7 час. 50 мин. А в ходе поездки осенью 2010 г. в Поморье полевым отрядом, руководителем которого

являлась В. П. Кузнецова, собрано 59 треков, объемом 12 час. 35 мин. Продолжительность экспедиции – 10 дней. В обоих случаях использовались аккумуляторы емкостью 850 mAh в количестве двух штук (чем выше значение миллиампер, тем дольше аппарат действует в автономном режиме). Один аккумулятор находится в диктофоне, другой в запасе (ночью заряжается). На случай страховки была приобретена пара традиционных батареек типа «AAA». К сожалению, этот диктофон не имел разъема под карту SD (в связи с чем с собой был взят ноутбук). Однако максимальная продолжительность записи (24 часа) высшего для этого диктофона качества (192 kbps, stereo), как видно из приведенных данных, не была достигнута.

В процессе проведения звукозаписи регулярно ведется контроль над оборудованием. На дисплее диктофона высвечиваются текущее состояние аппарата, продолжительность записываемого трека, оставшееся время или пространство во флеш-памяти. Присутствует индикация разряда батарей. Поэтому при возникновении разного рода неполадок можно быстро сориентироваться и устранить их. Если разряжается батарея, опрос на некоторое время останавливают и производят замену элементов питания. При наличии свободного места на карте SD, позволяющего записать всего 5–15 мин., производят установку новой карты памяти.

В экспедиции работать с магнитофонами любого типа всегда удобнее с напарником. Н. Н. Мамонтова и Н. Г. Зайцева, сотрудники сектора языкознания, вспоминают, что опрос вели, поглядывая на стрелочный индикатор уровня записи, кроме того, непрерывно контролировали оставшееся место на магнитной ленте. Одному сотруднику было довольно непросто справиться в такой ситуации. По воспоминаниям А. П. Конкка (сектор этнологии), вышедший из строя аппарат приходилось ремонтировать, что называется, «на коленке». С ремонтом «чудо-техники» также помогали и местные жители. Современные электронные устройства требуют не меньшего внимания, выручая лишь при транспортировке своим выгодным весом и уровнем качества получаемого звукового материала.

Собиратель сможет немного улучшить свою работу в экспедиции, используя вышеприведенные рекомендации¹.

¹ Вэб-сайт <http://rst.krc.karelia.ru> посвящен работе собирателя, с использованием всевозможной техники.

Т. А. Хорошун

Изучение керамики на поселениях среднего неолита — раннего энеолита Карелии (по материалам поселения Вигайнаволок I)

Керамика на поселениях Карелии как массовый материал представляет собой основной источник при выделении древних культур. Ее орнаментация является ярким маркером, в особенности при исследовании смешанных керамических комплексов. Цель работы — осветить основные результаты изучения керамики поселения Вигайнаволок I — уникального эталонного памятника среднего неолита — раннего энеолита.

На территории Карелии в рассматриваемый период принято выделять культуры ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной, ромбоямочной керамики, последовательно сменявших друг друга на протяжении полутора тысяч лет, с конца V до середины III тыс. до н.э. На многих поселениях эти три культурных типа керамики залегали совместно, в том числе на поселении Вигайнаволок I. Памятник открыт и исследован Г. А. Панкрушевым в 1963—1966 гг. Он расположен в 9 км к югу от г. Петрозаводска на берегу Петрозаводской губы Онежского озера, у небольшого мыса, в 120 м от современного берега озера на высоте 5 м от уреза воды. Распространение культурного слоя зафиксировано на площади 8000 м². Исследователем на поверхности выявлено 26 впадин. Исследовано 2748 м². Памятник определен как двуслойный: первый верхний характеризует слабоокрашенный темный оранжевый песок (0,3—0,4 м), залегающий под дерном и серым подзолом (0,05—0,4 м); второй, или нижний, сохранился в основном в жилищных впадинах в виде сильно гумусированного темного песка (0,3—0,6 м), который подстилался материковым песком розоватого цвета (рис. I). По преобладанию ромбоямочной керамики верхний слой обозначен как энеолитический, нижний — неолитический с ямочно-гребенчатой керамикой. Между слоями отмечалась «стерильная прослойка» намывного песка только во впадинах [Панкрушев, Журавлев 1966: 155]. Авторами раскопок вскрыто 13 впадин, иденти-

фицированных как жилища. Учитывая данные отчетов о полевых исследованиях и характер материала, мною выделено 11 неолитических и 14 поздненеолитических (по наличию гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики в совместном залегании) жилищ. В трех случаях для поздненеолитических использовались котлованы неолитических жилищ, в девяти – жилищные впадины обнаружены в процессе раскопок [Хорошун 2009б: 89–91].

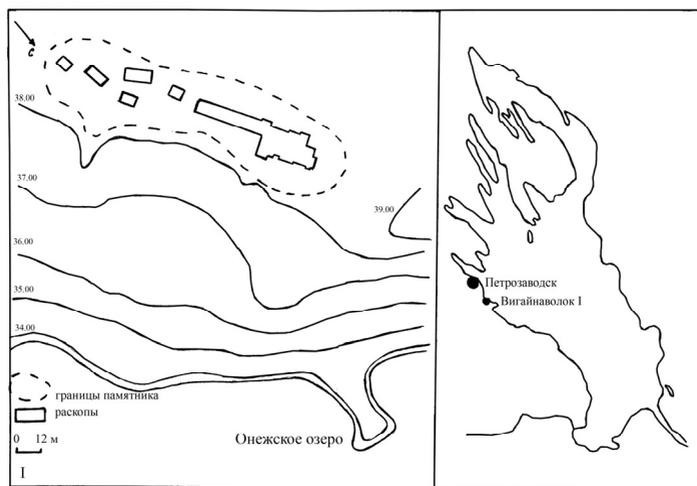

Рис. 1. Расположение поселения Вигайнаволоок I

Коллекция насчитывает более 30 тыс. предметов (25 тыс. фрагментов керамики и около 7 тыс. предметов из камня). Представлены ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная, ромбоямочная и незначительное количество фрагментов асбестовой керамики. Всего на поселении Вигайнаволоок I выделено 1139 сосудов. При значительном количестве сосудов керамика ценилась, о ремонте свидетельствуют глиняные заплатки и следы склеивания на стенках сосудов [Панкрушев, Журавлев 1966: 174]. Эти факты отмечались и на других поселениях неолита – энеолита [Журавлев 1991: 94, Витенкова 2002: 85].

Керамический материал поселения уникален и сложен, его изучение является определяющим для решения вопросов о происхождении

и культурной принадлежности памятника в разные отрезки времени. Аналогии ему имеются на многих поселениях Карелии и сопредельных территорий, в том числе на поселениях Чудозеро IV, VI [Савватеев 1966: 119–121, 129–130], Войнаволок IX [Гурина 1951, рис. 20: 1–22], 1-я Сунская [Брюсов 1947, рис. 2], Курмойла I, Кемь I, Сосновая гора в Ленинградской области [Гурина 1961: 227–229, 261–262, 436–437], на Заонежском полуострове [Журавлев 1991], на поселениях южной Карелии [Косменко 1992] и др.

В основу изучения керамики поселения был положен комплексный анализ: сравнительно-типологический и технологический. Первый включал систематизацию по формам сосудов и венчиков, орнаментации внутри культурных типов. Этот анализ позволил выявить общие и отличительные признаки в разновременной керамике по основным морфологическим и орнаментальным признакам. Технологический анализ дал возможность изучения технологии древнего керамического производства. В первую очередь учитывались некоторые визуальные наблюдения, например, связанные с обработкой поверхностей сосудов. Затем анализировался комплекс данных, полученных в результате естественнонаучных, физико-химических методов, позволивших оценить особенности сырья и традиции приготовления формовочных масс. Подобное исследование применительно к карельскому материалу осуществлено впервые. Керамическая индустрия характеризуется как сложная система, состоящая из целого ряда процессов, в которых проявляется культурная традиция создавшего эту индустрию населения.

Керамику Вигайнаволока I отличает фрагментарность. Технически разложить весь материал на сосуды не представлялось возможным, поэтому мною было принято решение сделать выборку наиболее крупных стенок с верхним краем (венчиком) и доньшек. Это позволило произвести статистические наблюдения и определить основные параметры изучаемых объектов. Согласно размерам стенок сосудов и основным элементам орнамента, выделено четыре группы: 1 – тонкостенные сосуды, украшенные круглыми ямками и оттисками различных штампов (гребенчатого, гладкого, веревочного, костного (зубчатого) и др.) (рис. II:1); 2 – в основном крупные толстостенные сосуды с круглыми ямками и оттисками различных штампов (в основном гребенчатого и гладкого (рис. II:2), а также сосуды, в орнаментации которых оттиски гребенчатого штампа преобладают над

круглыми ямками (рис. II:3); 3 – в большинстве своем толстостенные сосуды с овальными и прямоугольными ямками (преобладают) и оттисками различных штампов (в основном, гребенчатого и гладкого (рис. II:4); 4 – преимущественно толстостенные сосуды с ромбическими ямками (преобладают) и оттисками различных штампов (в основном гребенчатого и гладкого (рис. II:5).

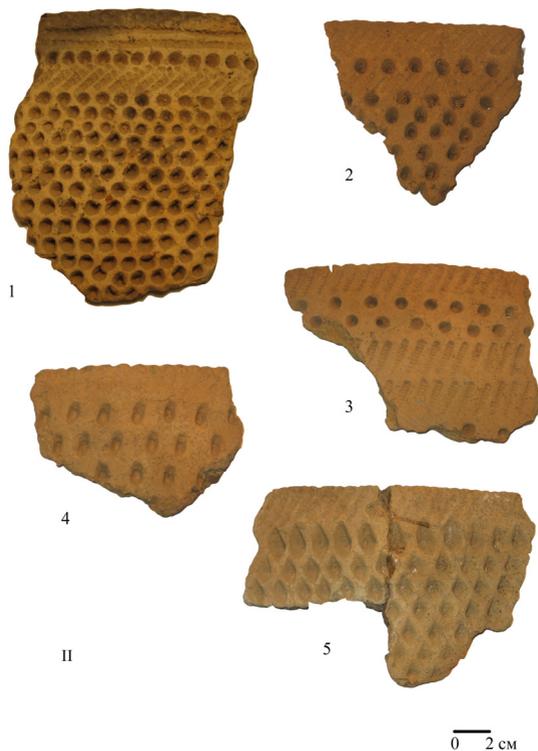

Рис. II. Керамика Вигайнаволока I: 1 – ямочно-гребенчатая, 2 – круглоямочная, 3 – гребенчато-ямочная, 4 – овальноямочная, 5 – ромбоямочная

Согласно принятой хронологической шкале древностей Карелии, 1 группа соответствует раннему этапу ямочно-гребенчатой, 2 – позднему этапу ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной, 3 и 4 – ром-

боямочной керамике. Общее для этих групп – система орнаментации сосудов (по своей структуре ямочно-гребенчатая), сочетающая ямки различной формы и преимущественно оттиски гребенчатого штампа.

Формы сосудов также оказались довольно устойчивыми и единообразными для всех групп: это кругло- или остродонные слабо- или непрофилированные горшки полужайцевидной формы.

В коллекции поселения имеется 51 доньшко. По их форме можно выделить конусовидные (от семи сосудов), круглодонные (от 43 сосудов) и одно плоское. По элементам орнамента доньшки, за исключением плоского, соотносятся с керамикой всех четырех групп. Общие формы для хронологически разновременной керамики можно рассматривать в качестве одного из признаков их сходства в культурном плане и единства традиций. С другой стороны, по некоторым данным округлость днищ служила средством для предотвращения растрескивания сосудов в процессе термической обработки, что является определенным показателем технического развития [Болдин 2006: 328–329] и может характеризовать адаптационный аспект.

Систематизация керамики Вигайнаволока I по форме венчика выявила четыре основные формы: 1 – прямосрезанные, нерасширенные; 2 – скошенные внутрь верхние края; 3 – прямосрезанные расширенные; 4 – срезанные с обеих сторон, остроугольные. Намечается ряд промежуточных форм, вариантов венчиков (5–16), сочетающих признаки основных.

В структуре орнамента керамики всех групп выделено два вида: первый – традиционный, простой, со сплошным ямочным (без выделения зон) и горизонтально-зональным орнаментом; ряды ямок чередуются с зонами из оттисков штампов или отступающими незаполненными полями; второй вид сложнее и наряднее, с геометрическими узорами. Подобная структура орнамента характерна для других поселений среднего неолита – раннего энеолита [Витенкова 1996: 113, 157; Лобанова 1996: 93]. Орнаментация первого вида количественно преобладает. Но следует отметить, что подобное разделение довольно условно. Оно обусловлено фрагментарностью сосудов и, за редким исключением, отсутствием возможности их реставрации. Реконструировать целиком сосуды не всегда удавалось. Несмотря на значительное количество керамики на поселениях Карелии, мы располагаем неполными данны-

ми по орнаментации сосудов вообще, что вызвано, в первую очередь, серьезными упущениями при исследовании памятников.

В орнаментации керамики Вигайнаволока I зафиксированы общие и отличительные признаки. Керамики первой группы (ранней ямочно-гребенчатой) по сравнению со второй немного. Можно отметить следующие их общие черты: негативы от ямок, формы венчиков 2 и 3; форма венчиков 1 для второй группы своего рода исключение, что, вероятнее всего, связано именно с технологическим аспектом. Отметим, что практически вся керамика второй – четвертой групп (поздняя ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная и ромбоямочная) является более массивной, толстостенной. Форма венчика может быть обусловлена размерами сосудов. Так, сосуды с формой венчика 3 имеют утолщенный, довольно массивный срез, чаще всего орнаментированный.

Относительно элементов орнамента сочетание ямок и гребенчатого штампа наблюдается в течение длительного времени. Вариации этих элементов начинаются в керамике первой группы, развиваются в четвертой и, вероятно, продолжают свое существование в позднеэнеолитической керамике с примесью асбеста. При этом ямка занимает ведущее положение во всех выделенных группах, за исключением гребенчато-ямочной керамики. Но круглые ямки в первой и во второй группах различны, что, возможно, вызвано качеством теста или типом орнамента. Ямки на керамике первой группы четкие, частые, чаще всего средних размеров, на керамике второй – крупные, довольно разреженные. Форма их постоянна для этих групп: встречаются ямки с коническим, плоским и цилиндрическим дном. В некоторых случаях отмечается доминирование вертикальных оттисков гребенчатого штампа над ямками, сплошной гребенчатый орнамент в виде горизонтальных линий гребенки. Техника нанесения орнамента – штампование – является основной и фиксируется также во всех группах керамики поселения. В сочетании элементов орнамента доминируют два или три элемента: чаще всего ямки (согласно группе керамики) и оттиски гребенчатого и/или гладкого штампа. Реже встречаются, но отмечены для каждой группы ямки различной формы на одном сосуде в сочетании с двумя – четырьмя дополнительными элементами орнамента.

Таким образом, структура орнамента и техника его нанесения на керамике Вигайнаволока I сохраняются во всех четырех группах. Меняются элементы орнамента: форма ямок и использование некоторых

штампов. Для первой группы характерен 51 основной вариант, для второй – 64, для третьей – 69, для четвертой – 72. Мотивы орнамента дублируются. Так, сплошной ямочный орнамент встречается в каждой из групп: ямки нанесены в шахматном порядке, попарно, по диагонали, в сочетании с оттисками или линиями гребенчатого штампа и пр. В третьей – четвертой группах встречается орнаментация сплошными линиями гребенки. Тожественны мотивы и в геометрических рисунках. По количеству сосудов во всех группах преобладает простая орнаментация, сложная редка. Возможно, орнамент служил не только в качестве декора и технически необходимого атрибута, но и как показатель функционального назначения сосудов. Таким образом, набор общих и важных признаков в орнаментации хронологически разновременной керамики можно относить к основным, определяющим их преемственность в культурном плане.

При сравнительно-типологическом анализе учитывались и другие характеристики керамики: диаметр верхнего края сосудов, толщина стенок, орнаментация венчиков, форма (гофрированность) края венчиков. Сосуды с толщиной стенок 0,5–0,7 см тонкостенные, 0,8–1,3 см – толстостенные. Отметим, что этот признак весьма изменчив, размеры стенок часто увеличиваются к венчику и ко дну. Сосуды диаметром по верхнему краю от 4 до 12 см составили группы мелких, от 12 до 25 – средних и от 25 до 50 и более – крупных размеров. Гофрированность венчиков выполнялась оттисками штампов (гладкого или гребенчатого) или путем зажима пальцами, поэтому край горшка получал своеобразную волнистость.

Для получения информации о технологии изготовления керамика изучалась визуально и с привлечением методов естественных наук. Изучение керамики с помощью экспериментального физического моделирования разработано и широко используется на материалах других регионов [Васильева 2006: 433].

Из общего массива керамики Вигайнаволока I, а также Соломенного I (поселение исследовано Н. Н. Гуриной в 1950 г. на западном берегу оз. Логозеро) выбрано 45 фрагментов ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики. Они рассмотрены на предмет использования строительных элементов и способов их нанесения по течению формовочной массы¹. Изучение некоторых из них осложнилось

¹ Исследование основано на данных, полученных в Самарской экспериментальной экспедиции в 2007 г. (под руководством И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной).

из-за практической «нечитаемости» фрагментов с ямочным орнаментом, оставляющих на внутренней поверхности негативы. Выяснилось, что, за исключением двух фрагментов (неточно), во всех случаях в качестве строительного элемента использовались ленты. Определить способ их нанесения (кольцевой или спиральный) не удалось. Полученные данные свидетельствуют, что на протяжении среднего неолита – раннего энеолита существовала единая технология изготовления сосудов.

В результате технологического анализа керамика исследована по составам примесей в тесте, характеру обработки поверхности сосудов, в том числе наличию негативов и цвету изделий. Привлечение методов естественных наук позволило получить важную информацию о составах формовочных масс через выяснение их химического и минерального составов. Исследование выполнено в Институте геологии КарНЦ РАН в два этапа².

На первом этапе полностью изучено восемь образцов ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики из Вигайнаволока I [Хорошун, Ильина 2006]. В работе использовались следующие методы: для определения химического состава – полный силикатный и спектральный анализы, электронно-зондовая микроскопия, для выяснения минералогического состава – метод оптической микроскопии (петрографический) и рентгенофазовый анализ. Отбор образцов производился по визуальным морфологическим различиям.

На втором этапе изучено 60 образцов тех же культурных типов керамики из 14 поселений северного, юго-западного и восточного побережий Онежского озера, получены данные по полному силикатному анализу [Хорошун 2008, 2009а]. Выяснилось, что химический состав исследованной керамики менялся незначительно, в основном по содержанию фосфора и кремния как показателя минеральной и органической примесей. Для всех типов керамики в целом сохраняется традиция использования одного и того же сырья и примесей: минеральной и органической. Количество минеральной примеси в поздней ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамике увеличивается.

² Автор выражает глубокую признательность директору Института геологии КарНЦ РАН, зав. лабораторией геологии, технологии и экономики минерального сырья, д.г.-м.н. В. В. Щипцову и с.н.с., к.т.н. В. П. Ильиной за предоставленную помощь, поддержку в проведении исследования и консультации в ходе работы.

Предположение о наличии органического раствора в керамике Вигайнаволока I впервые было высказано при изучении ее под микроскопом в 2007 г. в Самарской экспериментальной экспедиции. Были просмотрены серии фрагментов ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамики и определен рецепт формовочных масс, который оказался общим для указанных типов. Основным компонентом являлась глина, в качестве примесей использовалась минеральная (дресва, песок) и органическая (просматривается в виде пор). На сколах двух фрагментов ямочно-гребенчатой и одного гребенчато-ямочной керамики зафиксировано вещество светло-желтого цвета, заполняющее поры, с включениями косточек (некоторые из них были определены как рыбы позвонки), в ромбоямочной керамике – насыщенное обуглившаяся органикой. В одном фрагменте ямочно-гребенчатой керамики отмечены охристые включения.

Следовательно, для всех типов керамики (ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной) можно выделить три общих составляющих глиняной массы: сырье – глина, отошающий компонент – кварцевый песок, окатанный песок или дресва, органический костный раствор в виде связки. При этом количество минерального компонента возрастает с уменьшением костного. Скорее всего, последним служил рыбный раствор. Основным сырьем были местные глины. Сохранение технологической традиции изготовления керамики, вероятно, характеризует культурную преемственность в развитии данных типов керамики в течение среднего неолита – раннего энеолита.

Произведенные наблюдения по распространению керамики по всей площади поселения согласно условиям залегания позволили наметить определенную динамику ее культурных типов. Первичное заселение площадки началось с северной ее части (ранняя ямочно-гребенчатая керамика), затем постепенно в течение довольно длительного времени осваивалась площадка вдоль берега озера в южном направлении (поздняя ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная). Количественно выделяется ромбоямочная керамика, которая распространена здесь повсеместно.

По образцам керамики Вигайнаволока I получены две радиоуглеродные даты³: первая – 4940 ± 30 BP (KIA-33930) относится к фраг-

³ Исследование выполнено в лаборатории Германского археологического института (Берлин).

менту, орнаментированному овальными ямками, вторая – 4725 ± 30 ВР (КІА-33931) – к ромбоямочной керамике. На мой взгляд, эти даты имеют значительную степень достоверности, так как определены по нагару и смоле. Они дополняют существующие даты для ромбоямочной керамики и не противоречат установленным для нее хронологическим срокам [Хронология и периодизация 1991]. Кроме того, с ними соотносится дата поселения Вигайнаволок II с асбестовой керамикой – 3370 ± 110 л.н. (ТА-?) [Журавлев 1991: 127], который можно считать частью площадки первого. Таким образом, время освоения площадки Вигайнаволока I (включая поселение Вигайнаволок II) по калиброванным датам охватывает период от конца V до конца III тыс. до н.э.

Итак, комплексное изучение материалов этого поселения представляется крайне важным и необходимым при изучении древностей среднего неолита – раннего энеолита Карелии ввиду значения памятника как опорного, базового для этого времени. При всей неоднозначности залегания по площади и в толще слоя его керамические материалы при многоплановом анализе дают возможность выделения характерных для разных этапов неолита – энеолита групп по ряду главнейших культуuroопределяющих морфологических, технологических и орнаментальных признаков, что может использоваться при анализе материалов подобных памятников.

Список сокращений

КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук. Петрозаводск

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва – Ленинград

ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь

Литература

Болдин 2006 – Болдин И. В. О форме днищ неолитических сосудов // ТАС (Тверской археологический сборник). Тверь, 2006. Т. 1. Вып. 6. С. 328–329.

Брюсов 1947 – Брюсов А. Я. Археологические памятники III – I тыс. до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 8–34.

Васильева 2006 – Васильева И. Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 426–439.

Витенкова 1996 – Витенкова И. Ф. Энеолит. Ранний период. Культура ромбоямочной керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 151–173.

Витенкова 2002 – Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 183 с.

Гурина 1951 – Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северо-западном побережье Онежского озера // МИА (Материалы и исследования по археологии СССР). М.; Л., 1951. № 20. С. 77–142.

Гурина 1961 – Гурина Н. Н. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР // МИА. (Материалы и исследования по археологии СССР). М.; Л., 1961. № 87. 588 с.

Журавлев 1991 – Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 205 с.

Косменко 1992 – Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. 222 с.

Лобанова 1996 – Лобанова Н. В. Неолит. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 81–104.

Панкрушев, Журавлев 1966 – Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 152–172.

Савватеев 1966 – Савватеев Ю. А. Древние поселения в верховьях реки Суны // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 97–151.

Хорошун 2008 – Хорошун Т. А. Физико-химическое исследование неолитической керамики южной Карелии // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2008. № 3. С. 100–103.

Хорошун 2009а – Хорошун Т. А. К вопросу использования местных ресурсов для изготовления древней глиняной посуды (развитый неолит – энеолит) // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 4. С. 98–110.

Хорошун 2009б – Хорошун Т. А. К вопросу о жилищах эпохи неолита – раннего энеолита в бассейне Онежского озера // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб., 2009. С. 89–91.

Хорошун, Ильина 2006 – Хорошун Т. А., Ильина В. П. Использование физико-химических методов при изучении керамики неолита – энеолита (по материалам памятника Вигайнаволок I) // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2006. С. 315–318.

Хронология и периодизация 1991 – Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 249 с.

И. М. Поташева

Керамика средневековых городищ северо-западного Приладожья

Предметом рассмотрения в данной статье является коллекция гончарной керамики четырех средневековых городищ, расположенных на территории северо-западного Приладожья: Хямеенлахти-Линнавуори, Соскуа-Линнамяки, Терву-Линнасаари и Паасо. В связи с тем, что в дальнейшем планируется создание типо-хронологической шкалы для посуды указанных городищ и Тиверска (керамика этого городища уже подвергалась обработке с выделением типов посуды и приблизительных периодов их бытования [Кочкуркина 1982: 129]), необходимо охарактеризовать керамический набор остальных городищ обозначенного региона, исследованию которых уделялось недостаточно внимания.

Основы методики изучения такого археологического материала, как керамика, были заложены еще в дореволюционный период во многом благодаря трудам В. А. Городцова. Исследователь занимался проблемой определения места и значения керамики среди множества источников, анализировал различные методы и принципы работы с керамическими коллекциями [Городцов 1899, 1927]. В результате он сформулировал ключевые положения в теории и методике исследования археологической керамики и пришел к выводу, что типологический метод является наиболее подходящим инструментом в системе изучения керамического материала.

Именно традиционный для археологического исследования сравнительно-типологический метод был выбран для разработки типо-хронологической шкалы керамических коллекций городищ. На основе визуального анализа форм и их последующей зарисовки исследователями выделяются типы посуды, которые на следующем этапе сравниваются с датированными типологическими схемами главных средневековых центров северо-запада России и менее крупных городов.

Автором статьи был обработан керамический материал, собранный в ходе археологических экспедиций, проводившихся под ру-

ководством С. И. Кочкуркиной¹. Городище Хямеенлахти-Линнавуори исследовалось в 2007–2008 гг. (вскрыто 224 м²). Часть материала получена в процессе сборов после «черных копателей» в 2005–2006 гг., кроме того, для анализа керамического набора городища использовались иллюстрации сосудов (фрагменты семи горшков), опубликованные еще в конце XIX в. финляндским археологом Я. Аппельгреном. В 2005–2006 гг. проводились раскопки городища Соскуа-Линнамяки (исследовано 76 м²). Археологическое изучение городища Терву-Линнасаари проходило в 2008–2009 гг. (общая площадь раскопов 100 м²). Часть вещей С. И. Кочкуркиной передали местные жители. В 1974–1975, 1978–1980, 2005–2006 гг. велись археологические работы на городище Паасо, в результате которых была вскрыта почти вся площадь городища (около 1000 м²). Общее количество фрагментов керамики из коллекций четырех городищ насчитывает 1368 образцов.

Хямеенлахти-Линнавуори

Керамика городища Хямеенлахти-Линнавуори немногочисленна и составляет 320 фрагментов гончарных изделий (зашифровано 133 фрагмента). Из всей массы обломков удалось выделить 16 сосудов.

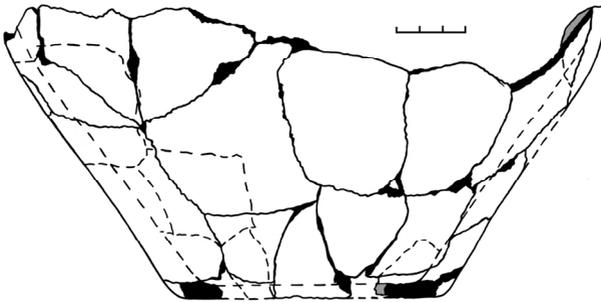

Рис. 1. Нижняя часть крупного гончарного сосуда с городища Хямеенлахти-Линнавуори

¹ Здесь и далее информация по истории исследования городищ северо-западного Приладожья взята из монографии С. И. Кочкуркиной «Древнекарельские городища эпохи Средневековья» [Кочкуркина 2010].

В материал для типологического анализа не включен один горшок (рис. 1), т. к. несмотря на то что бóльшая часть тулова и часть днища сосуда были успешно восстановлены, реконструировать венчик не удалось. Данный сосуд заметно выделяется из всего керамического набора городища Хямеенлахти-Линнавуори. Во-первых, горшок крупный: диаметр днища около 12 см, а диаметр сосуда в месте перехода плечика в стенку составляет примерно 26 см. Во-вторых, в сравнении с остальной посудой этот толстостенный горшок (0,6–1,1 см) выполнен из более грубого теста с примесью крупнозернистого песка/дресвы и не отличается искусной выделкой. По-видимому, сосуд не был орнаментирован либо узор располагался на плечике сосуда. Обе поверхности горшка сильно повреждены, однако на них просматриваются следы заглаживаний и обработки на гончарном круге.

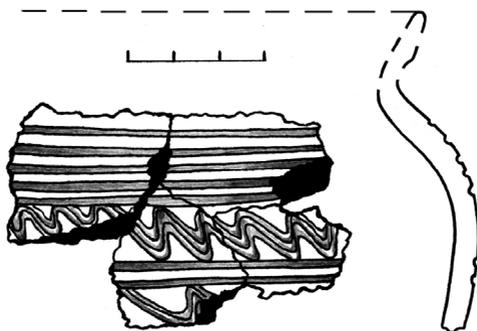

Рис. 2. Фрагмент тонкостенного горшка без венчика, украшенного линейно-волнистым орнаментом (Хямеенлахти-Линнавуори)

В материал для классификации вошел один сосуд, венчик которого также не сохранился (рис. 2). Сосуд представлен крупным фрагментом стенки, поверхность которой сплошь украшена линейно-волнистым орнаментом. Фрагмент сосуда демонстрирует значительное сходство с другим горшком, обнаруженным на городище (рис. 3). Оба горшка орнаментированы узором из линий и волн, который покрывает стенки сосудов почти на всю их высоту. По сравнению с другими сосудами городища Хямеенлахти-Линнавуори орнаментация этих горшков отличается сложностью исполнения, т. к. состоит из комбинации зон линейного и

волнистого орнамента, иногда с включением «пустых» зон. Визуальный анализ теста также указывает на сходство между горшками, сосуды изготовлены из хорошо перемешанной глиняной массы с примесью мелкозернистого песка/дресвы. Небольшая толщина стенок (0,4–0,5 см) и хорошая выделка сосудов также позволяют предположить, что, скорее всего, горшки имели одинаковую или похожую профилировку.

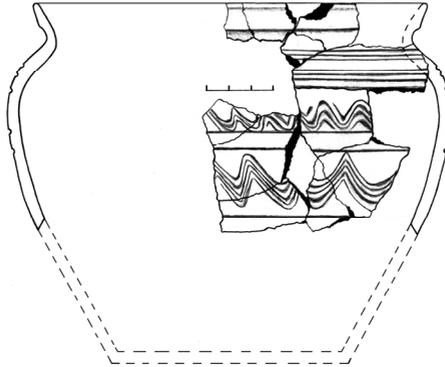

Рис. 3. Фрагмент тонкостенного горшка с линейно-волнистым орнаментом (Хямеенлахти-Линнавуори)

Все горшки керамической коллекции схожи по профилю тулова: наибольшего расширения оно достигает в верхней части высоты. Тулово приближается к усеченно-конической форме, однако профиль стенки сосудов образует плавно выгнутую линию. Очевидно, что посуда изготавливалась при помощи гончарного круга. Свидетельством этому служат многочисленные линии на внешней и внутренней поверхностях сосудов, образовавшиеся вследствие обработки изделий на круге. По всей видимости, в горшках готовилась пища, т. к. на поверхности подавляющего большинства из них присутствуют следы нагара и пятна.

Вся посуда на городище относится к кухонным горшкам средних размеров. Почти все сосуды (за исключением экземпляров из коллекции Я. Аппельгрена, провести визуальный анализ теста которых не имеется возможности) изготавливалась из хорошо перемешанного теста с использованием отошителя. Примесь дресвы или песка встречается в составе формовочной массы семи из десяти горшков, при этом преобладают зерна

песка/дресвы среднего или крупного размера. Внутренняя и внешняя поверхность горшков заглажена. Тем не менее часто из-за выступающих зерен отощителя сохраняется шероховатость поверхности сосудов. Основная часть керамики имеет качественный обжиг, лишь у трети горшков на изломе наблюдается прослойка более светлого цвета. Толщина стенок в большинстве случаев варьирует в пределах 0,5–0,7 см. Горшки имеют средние и крупные размеры, диаметр сосудов по венчику колеблется в пределах 16–22 см, диаметр днища в среднем составляет 10,6 см.

Соскуа-Линнамяки

Керамика городища Соскуа-Линнамяки насчитывает 83 фрагмента гончарных сосудов, многие из которых представляют собой крошечные обломки посуды. Определяются два сосуда, принадлежащие к категории кухонных горшков.

Примечательно, что эти сосуды повторяют уже известные формы горшков с городища Хямеенлахти-Линнавуори. Горшки изготовлены из хорошо перемешанного теста с небольшим количеством примеси. Сосуды имеют хороший обжиг, на стенках визуально прослеживаются следы обработки на гончарном круге и нагар. Оба горшка орнаментированы. Диаметр сосудов установить невозможно. Толщина стенок сосудов в среднем составляет 0,7 см.

Терву-Линнасаари

Керамическая коллекция городища Терву-Линнасаари представлена 146 фрагментами гончарной и восьмью фрагментами белоглиняной керамики. В ходе обработки коллекции удалось выделить пять сосудов.

В керамике Терву-Линнасаари встречаются тонкостенные сосуды из беложгущейся глины (два горшка). Вся посуда обработана на гончарном круге – на внешней и внутренней поверхностях сосудов видны следы от вращения изделия на круге. Большинство горшков имеют хороший обжиг, в тесте видна примесь зерна песка или дресвы среднего размера. В поверхности одного из белоглиняных сосудов присутствуют небольшие лакуны, предположительно образовавшиеся в результате сгорания органической примеси в процессе обжига. На поверхности четырех горшков из пяти прослеживаются следы нагара на поверхности. Посуда относится к категории кухонных горшков.

Диаметр сосудов по венчику варьирует в пределах от 16 до 36 см. Для четырех горшков диаметр определен (16, 19–20, 20 и 36 см).

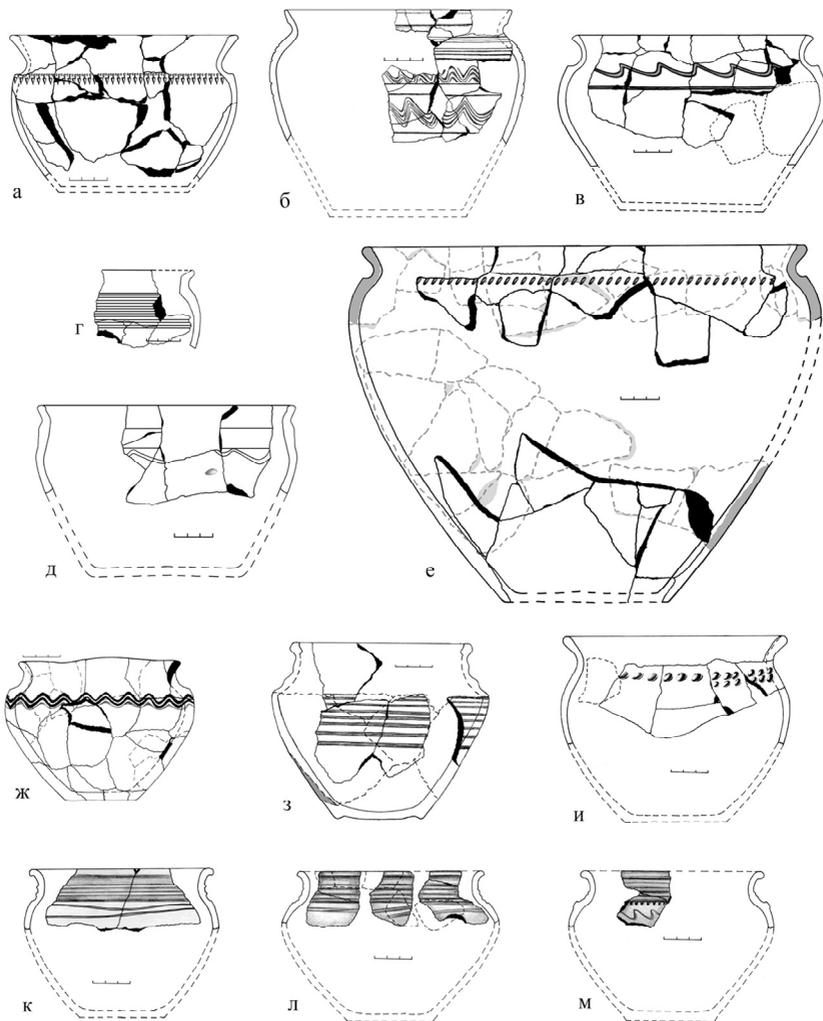

Рис. 4. Керамические сосуды. а, б, в – Хямеенлахти-Линнавуори; г – Соскуа-Линнамяки; д, е – Терву-Линнасаари; ж, з, и, к, л, м – Паасо

В керамическом наборе указанного городища стоит отметить один сосуд, который почти вдвое крупнее остальных (рис. 4, е). Это хорошо

профилированный горшок, его диаметр по венчику составляет 36 см, высота 28 см, а диаметр дна 14 см. Горшок изготовлен из хорошо перемешанного теста с обильной примесью среднезернистой дресвы/песка, определяющейся визуально, обжиг среднего качества. Сосуд сформован на гончарном круге и в целом, за исключением своих размеров, соответствует керамической коллекции городища.

Паасо

Керамика городища Паасо насчитывает 26 фрагментов лепной керамики, 693 гончарной и 92 фрагмента белоглиняной керамики. В процессе обработки керамической коллекции восстановлено 38 горшков.

Семь горшков сделаны из беложгущейся глины. Белоглиняная керамика не отличается хорошим качеством выделки. Для большинства белоглиняных горшков использовалось тесто с грубой примесью. Все сосуды имеют трехслойный обжиг, лишь некоторые из них обожжены немного лучше остальных. Диаметр сосудов по венчику варьирует в пределах 12–20 см. На стенках всех сосудов визуально прослеживается нагар разной степени интенсивности. Посуда изготовлена при помощи гончарного круга, о чем говорят видимые следы обработки на поверхностях сосудов с обеих сторон.

Таблица 1. Орнаментация керамики городища Паасо

Вид орнамента	Вдавления, насечки	Линейный	Линейно-волнистый	Волнистый	Комбинированный орнамент	Всего орнаментировано
Кол-во сосудов	4	14	2	5	3	28
Процент орнаментирован. посуды	10,5 %	36,8 %	5,3 %	13,2 %	7,9 %	73,7 %

Другие горшки (31) изготовлены из обычной глины. Керамический набор посуды с городища Паасо отличается заметным разнообразием форм и размеров, а также вариативностью способов орнаментации утвари (табл. 1). Диаметр сосудов по венчику колеблется в пределах 13–22 см. Среди посуды преобладают сравнительно крупные сосуды, диаметр которых достигает 20–22 см, таких горшков девять (29 % от всего количества посуды, изготовленной из обычной глины), и маленькие, диаметр которых составляет 12–15 см, их также девять

(29 %). Заметно меньше горшков среднего размера – четыре экземпляра диаметром 16–19 см (12,9 %). Совсем миниатюрные сосуды встречаются крайне редко – два горшка диаметром 9–12 см (6,5 %).

Средний показатель толщины стенок сосудов в средней части высоты составляет 0,6 см, в плечике 0,7 см, в придонной части 0,9 см. Диаметр доньев, фрагменты которых сохранились, обычно равен 8–10 см (16 сосудов). Имеются четыре сосуда, диаметр дна которых меньше 8 см, и один фрагмент днища диаметром, превышающим 10 см. Толщина доньев сосудов колеблется в пределах 0,3–1,1 см и чаще всего составляет 0,5–0,8 см.

подавляющее большинство горшков изготовлено при помощи гончарного круга. На поверхности 93,5 % посуды (29 сосудов) присутствуют следы обработки на круге. Однако один самый миниатюрный сосуд (диаметр 9 см) может быть отнесен к полулепным сосудам (рис. 5). Вероятно, днище и стенки горшочка были вылеплены вручную, а затем подправлены на гончарном круге, о применении которого свидетельствует фигурный венчик сосуда.

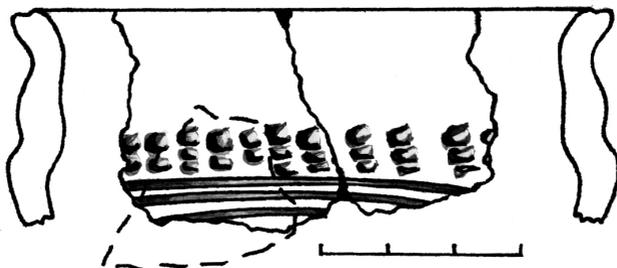

Рис. 5. Венчик миниатюрного сосуда с городища Паасо

Большая часть посуды имеет качественный обжиг. У 67,7 % (21 горшок) сосудов цвет черепка на срезе ровный, без прослойки. Остальные 32,2 % (10 сосудов) имеют двух- и трехслойный обжиг.

Вся посуда, за редким исключением, изготовлена из хорошо перемешанного глиняного теста с добавлением примеси дресвы или песка. Так как на поверхности 61,2 % керамики (19 горшков) явно просматриваются следы нагара, можно заключить, что в основном на городище представлены кухонные горшки.

В коллекции городища Паасо имеется одна интересная находка – небольшой фрагмент керамики со штампом или клеймом (рис. 6). Узор штампа состоит из двух рядов вдавлений прямоугольной формы. В каждом ряду просматриваются как минимум пять прямоугольных оттисков длиной не более 1 см.

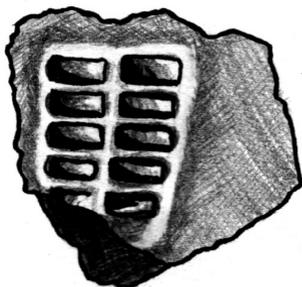

Рис. 6. Фрагмент керамики со штампом-клеймом (Паасо)

керамической коллекции четырех городищ, обнаруживают типологическое сходство. Так, в самом обширном наборе посуды с городища Паасо присутствует значительная доля форм горшков, встречавшихся на городищах со значительно меньшим количеством керамики.

На основе визуального анализа образцов керамики предполагается, что для изготовления посуды древнекарельских городищ использовалось тесто двух видов. В первом случае основная часть формовочной массы состояла из серой или желтой глины с добавлением отощителя, в роли которого использовался песок или толченая дресва. Из такого теста изготовлено большинство горшков (51 сосуд). Другие девять горшков выполнены из белоглиняной глины, в которую также добавлялись дресва или песок, однако уже в заметно меньших количествах. Для белоглиняных сосудов характерно наличие органических примесей в формовочной массе, т. к. часто на поверхности таких сосудов наблюдаются небольшие лакуны – по-видимому, следы от выгоревших при обжиге органических включений. Тесто сосудов с городищ Хяменлахти-Линнавуори, Соскуа-Линнамяки, Терву-Линнасаари и Паасо

Таким образом, в ходе обработки керамических коллекций четырех вышеуказанных городищ было восстановлено 60 сосудов. Наличие нагара разной интенсивности на поверхности подавляющей части сосудов свидетельствует о том, что посуда относится к категории кухонных горшков, в которых готовилась пища. На поверхности всех сосудов, кроме единичных экземпляров, присутствуют следы обработки изделий на гончарном круге. Лишь один миниатюрный горшок с городища Паасо может быть отнесен к лепным сосудам с последующей обработкой на гончарном круге. Большинство сосудов, наблюдаемых в

обладает схожими характеристиками — чаще всего оно состоит из хорошо перемешанной глины с мелкозернистыми включениями отошителя. Тем не менее, если учитывать процентное соотношение керамики, выполненной из грубого теста, и посуды из более качественного теста в коллекции одного городища, можно заключить, что на городищах Хямеенлахти-Линнауори и Терву-Линнасаари доля сосудов, изготовленных из относительно грубого теста с добавлением обильного количества крупнозернистой примеси, больше, чем на Паасо и Соскуа-Линнамяки. Керамика Паасо отличается более тщательной выделкой.

Преобладающая часть сосудов имеет хороший или близкий к хорошему обжиг. Ровный цвет черепка на срезе наблюдается у 33 горшков (55 %), остальные сосуды (21 горшок, 35 %) обожжены менее качественно — черепок двух- и трехслойный.

Основная масса посуды декорировалась орнаментом — из 60 сосудов украшено 46, что составляет 76,6 %². При анализе орнамента на посуде использовалась система описания орнамента на керамике, разработанная Ю. Б. Цетлиным [Цетлин 2006]. На всех сосудах присутствует графический орнамент, выполненный в абстрактной манере. Узор наносился двумя способами. Динамический способ применялся для таких элементов, как линия и волна, а статический — для вдавлений и насечек. Чаще всего в орнаменте присутствует один из элементов (волна, линия, вдавления), редко — комбинации. Встреченные комбинации несложные, они включают не более двух сочетающихся элементов (например, вдавления и линии, волна и насечки). Наиболее распространены линейный (33,3 %) и волнистый (16,6 %) виды орнамента. Основной зоной нанесения орнамента являлось плечико сосуда, реже орнамент опускался до середины стенки сосуда. По классификации Ю. Б. Цетлина, на преобладающем большинстве сосудов орнамент относится к подгруппе очень мелких (до 1 мм глубиной), значительно реже — мелких (глубина 1–2 мм, не превышает 3 мм). Расположение орнамента горизонтальное, во всех случаях, кроме двух (оба горшка с городища Паасо), орнамент наносился слева направо. В качестве инструмента для орнаментации сосудов предположительно могли использоваться как орнаментирыв искусственного происхождения: палочка с закругленным концом, треугольным основанием, гребенка, с помощью которой наносился волнистый узор, так

² Подробнее об орнаментации сосудов городищ см. табл. 2.

и естественного происхождения (пальцы и ногти) – для выполнения орнамента из ногтевидных вдавлений. Образцы разновидностей орнамента, которые присутствовали на мелких фрагментах керамики и не встречались на восстановленных сосудах, представлены на рис. 7, 8, 9.

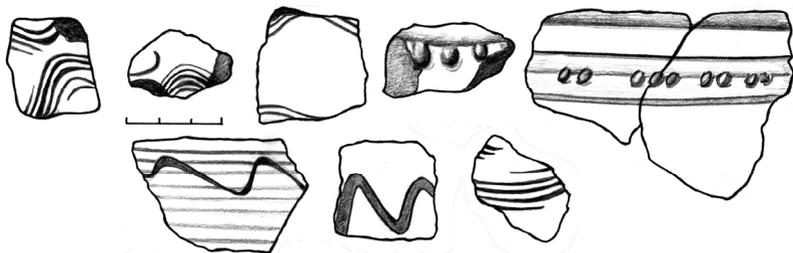

Рис. 7. Образцы орнаментов керамики городища Хямеенлахти-Линнавуори

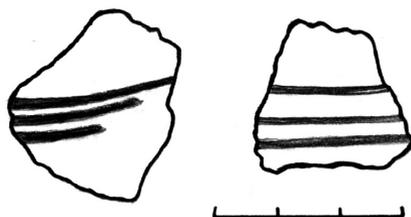

Рис. 8. Образцы орнаментов керамики городища Терву-Линнасаари

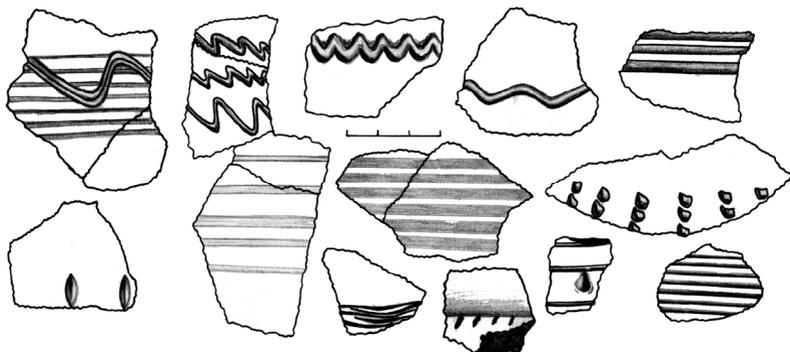

Рис. 9. Образцы орнаментов керамики городища Паасо

Таблица 2. Сводная таблица по орнаментам сосудов городищ Хямеенлахти-Линнавуори, Соскуа-Линнамяки, Терву-Линнасаари, Паасо

Городище	Соскуа-Линнамяки	Терву-Линнасаари	Хямеенлахти-Линнавуори	Паасо	Всего, % ³
Тип орнамента (кол-во сосудов)					
Линейный	2	2	2	14	33,3
Волнистый		1	4	5	16,6
Линейно-волнистый			3	2	8,3
Вдавления			3	4	11,6
Комбинированный				3	5
Неясный			1		1,7
Всего орнаментировано сосудов	2	3	13	28	76,6

Результаты обзора керамического материала и сопоставления форм сосудов с керамикой городов Северо-Запада (Новгорода, Пскова, Твери, Ладоги, Корельского городка) не противоречат предполагаемым С. И. Кочкуркиной датировкам периодов функционирования городищ: Хямеенлахти-Линнавуори – XII–XIII вв., Соскуа-Линнамяки – XII–XIV вв., Терву-Линнасаари – XIII–XIV вв., Паасо – XII–XIII вв., возможно XIV в. [Кочкуркина 2010: 87, 94, 107, 126]. Не исключается, однако, что верхняя и нижняя хронологические границы бытования посуды на городищах выходят за рамки XII–XIV вв.

Список сокращений

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

ТАС – Тверской археологический сборник

Литература

Городцов 1899 – Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 / Под ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Слущкого. М., 1901. Т. 1. С. 576–672.

³ Процент керамики, украшенной одним видом орнамента, от всего числа сосудов на четырех городищах.

Городцов 1927 – Городцов В. А. Типологический метод в археологии // Труды общества исследователей Рязанского края. Серия методическая. Рязань: Общество исследователей Рязанского края, 1927. Вып. VI. С. 1–8.

Кильдюшевский 2002 – Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII – XVII века // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 5–33.

Кирпичников 1979 – Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 52–74.

Кочуркина 1982 – Кочуркина С. И. Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.

Кочуркина 2010 – Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, СПб.: Взлет, 2010. 264 с.

Лапшин 2009 – Лапшин В. А. Тверь в XIII – XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Смирнова 1956 – Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55. Труды новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 228–248.

Станкевич 1951 – Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XV. С. 219–246.

Цетлин 2006 – Цетлин Ю. Б. К разработке системы описания графического орнамента на керамике ТАС. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2006. Т. 1. С. 316–327.

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

Научное издание

**МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**Сборник научных работ
аспирантов и молодых ученых**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

На обложке: фото И. П. Новак

Редактор Е. В. Азоркина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 61. Заказ № 23.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50